

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557

Серия

2014 / № 2

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

2014 / № 2

Series

ISSN 2072-8557

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»

Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Белозеров В.Е. – д.ф.-м.н., проф. Днепрпетровского национального университета (Украина)

Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ

Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)

Конищев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ

Лекант П.А. – д.филол.н., проф. МГОУ

Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Нелюбин Л.Л. – д.филол.н., проф. МГОУ

Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ

Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл. ред. «Литературной газеты»

Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана

Ху Гумин – д.филол.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

ISSN 2072-8557

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2014. № 2. – М.: ИИУ МГОУ. – 108 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26300

Индекс серии «Юриспруденция»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735

© МГОУ, 2014.

© ИИУ МГОУ, 2014.

Редакционная коллегия серии «Юриспруденция»

Ответственный редактор серии:

Гольшев В.Г. – к.ю.н., доц.

Заместитель ответственного редактора серии:

Коновалова И.А. – к.ю.н., доц.

Ответственный секретарь серии:

Васильева О.Н. – к.ю.н., доц.

Члены редакционной коллегии серии:

Марченко М.Н. – д.ю.н., проф., заслуженный деятель науки РФ (МГУ им. М.В. Ломоносова); **Гриненко А.В.** – д.ю.н., проф.; **Никитин А.Н.** – д.и.н., д.ю.н., проф.; **Подшибякин А.С.** – д.ю.н., проф., заслуженный деятель науки РФ (Московский государственный институт международных отношений); **Клычников В.М.** – к.и.н., к.ю.н., доц.; **Пудовочкин Ю.Е.** – д.ю.н., проф. (Российская академия правосудия, г. Москва); **Байер Бернд** – доктор права, почетный профессор МГОУ (Германия); **Антонян Ю.М.** – д.ю.н., проф. (Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва)

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 4 times a year

Series editorial board «Jurisrudence»

Editor-in-chief:

V.G. Golyshv – Ph.D. in Law, Associate Professor

Deputy editor-in-chief:

I.A. Konovalova – Ph.D. in Law, Associate Professor

Executive secretary of the series:

O.N. Vasilieva – Ph.D. in Law, Associate Professor

Members of Editorial Board:

M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor, Honorary Scientist of the Russian Federation (Moscow State University);

A.V. Grinenko – Doctor of Law, Professor; **A.N. Nikitin** – Doctor of History, Doctor of Law, Professor; **A.S. Podshibyakin** –

Doctor of Law, Professor, Honorary Scientist of the Russian Federation (Moscow State Institute of International Relations);

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Associate Professor; **Yu.E. Pudovochkin** – Doctor of Law, Professor

(Russian Academy of Justice, Moscow); **B. Bayer** – Doctor of Law, Honorary Professor of MSRU (Germany); **Yu.M. Antonyan** –

Doctor of Law, Professor (All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru

Site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (Chairman of the Council)

O.V. Nikitin – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (Deputy Chairman of the Council)

A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University

A.G. Asmolv – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University

B.E. Belozero – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)

L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU

K.F. Zatuln – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)

A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU

P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University

L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

V.F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Head of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University

Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhan University (China)

ISSN 2072-8557

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Jurisrudence». 2014. № 2. – M.: MSRU Publishing house. – 108 p.

The series «Jurisrudence» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИИ № ФС77-26300

Index of the series «Jurisrudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

© MSRU, 2014.

© MSRU Publishing house, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

<i>Козловская В.И.</i> М.М. СПЕРАНСКИЙ И СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В ЕГО ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ.....	8
<i>Никулин В.В.</i> ИНСТИТУТ АМНИСТИИ И ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	15

РАЗДЕЛ II.

ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

<i>Борисова Л.В.</i> О СТРУКТУРЕ ЧАСТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВА.....	22
---	----

РАЗДЕЛ III.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

<i>Васильева О.Н., Милованова М.М.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМОГО БАНКРОТСТВА КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	28
<i>Гапеев Д.Е.</i> ФИНАНСОВАЯ ОСНОВА ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ.....	39
<i>Третьяков К.В.</i> УБИЙСТВО, СОПРЯЖЕННОЕ С СОВЕРШЕНИЕМ ДРУГОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЕДИНИЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ?	45

РАЗДЕЛ IV.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Новицкий С.С., Панина С.А., Хантуев А.А.</i> СОБЛЮДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЦ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ И ОСУЖДЕННЫХ, НА УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ И РЕФЕРЕНДУМАХ	52
<i>Семькин В.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ.....	59
<i>Семьянов Е.В., Ницевич Ю.В.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ	65
<i>Шаповалов Н.И.</i> ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.....	71

РАЗДЕЛ V.

Трибуна молодого ученого

<i>Бондарь Д.В.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТОВАРНОГО СКЛАДА КАК СУБЪЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ХРАНЕНИЯ.....	75
--	----

Семенов А.В. ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ К НЕМУ.....	82
Сеничева П.В. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 277, 295 И 317 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ИХ ОХРАНЕ	86
Шевчук М.С. ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА КАК СПОСОБ ЭЛЕКТРОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА	95
Шишова Н.Е. К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ С ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ	101
НАШИ АВТОРЫ	105

CONTENTS

SECTION I. HISTORY AND THEORY OF STATE AND LAW. POLITICAL ISSUES

- V. Kozlovskaya.* THE SYSTEM OF CHECKS AND BALANCES
IN M.M. SPERANSKY'S THEORY OF SEPARATION OF POWERS 8
- V. Nikulin.* THE INSTITUTE OF AMNESTY AND PAROLE IN SOVIET CRIMINAL LAW 15

SECTION II. PRIVATE LAW AND ENTREPRENEURSHIP

- L. Borisova.* TOWARDS THE STRUCTURE OF PRIVATE LAW AND LEGISLATION 22

SECTION III. STRENGTHENING THE RULE OF LAW, FIGHT AGAINST CRIME

- O. Vasilyeva, M. Milovanova.* SOME FORENSIC FEATURES OF CRIMINAL BANKRUPTCY
OF CREDIT INSTITUTIONS 28
- D. Gapeenok.* FINANCIAL BASIS OF THE ORGANIZED CRIME FORMATIONS 39
- K. Tretyakov.* MURDER COMBINED WITH ANOTHER CRIME: IS IT SINGLE OR PLURAL? 45

SECTION IV. INDIVIDUAL ISSUES OF LAW AND ENFORCEMENT

- S. Novitskiy, S. Panina, A. Khantuev.* PROVIDING CONSTITUTIONAL RIGHTS
TO PARTICIPATION IN ELECTIONS AND REFERENDUMS FOR PERSONS
IN CUSTODY OR CONVICTED 52
- V. Semykin.* FEATURES OF PROVING IN CASES OF MORAL DAMAGE
COMPENSATION: EVIDENCE DATA 59
- E. Semyanov, Yu. Nitsevich.* RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF TRADE AND ECONOMY,
MOSCOW THE MAIN DIRECTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION MODERN STATE
POLICY IN PROVIDING CONSTITUTIONAL RIGHT TO HOUSING 65
- N. Shapovalov.* THE EUROPEAN INTEGRATION AS A REFLECTION
OF SOCIAL GLOBALIZATION 71

SECTION V. TRIBUNE YOUNG SCIENTIST

- D. Bondar.* THE LEGAL NATURE OF A WAREHOUSE AS A SUBJECT
OF PROFESSIONAL STORAGE 75

A. Semenov. TYPICAL SITUATIONS AT THE INITIAL STAGE OF FIREARMS AND AMMUNITION THEFT INVESTIGATION.....	82
P. Senicheva. CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS AND SOME ASPECTS OF DEFINING CRIMES UNDER ARTICLES 277, 295, 317 OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE.....	86
M. Shevchuk. ELECTRONIC MAIL AS A MEANS OF ELECTRONIC INTERACTION OF THE PARTICIPANTS IN CIVIL LAW RELATIONS.....	95
N. Shishova. TOWARDS THE ISSUE OF FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION OF CHILD ABUSE IN A FAMILY.....	101
OUR AUTHORS	105

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 34 (091); 321(091)

Козловская В.И.

Московский государственный областной университет

М.М. СПЕРАНСКИЙ И СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В ЕГО ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Аннотация. Своей концепцией разделения властей М.М. Сперанский создал трамплин для последующего взлета политико-правовой мысли России: на рубеже XIX-XX вв. здесь оформилась двухступенчатая теория варианта октроированной (а не договорной) конституции. Она была призвана легализовать ограниченную представительными органами власть монарха. Таким образом, тезис: «Монархическое правление сверху и его формальное признание (путем народного волеизъявления) снизу по типу Великой французской хартии 1814 г.», провозвестником которого, по нашему мнению, в России явился М.М. Сперанский, в полном объеме вошел в отечественную политико-правовую мысль лишь на рубеже XIX-XX столетий. На практике, возглавляемая Президентом современная Россия и сегодня во многом ностальгирует по этой несостоявшейся модели.

Ключевые слова: Либерализм, конституционализм, октроированная монархия, теория разделения властей, система сдержек и противовесов.

V. Kozlovskaya

Moscow State Regional University

THE SYSTEM OF CHECKS AND BALANCES IN M.M. SPERANSKY'S THEORY OF SEPARATION OF POWERS

Abstract. By his concept of the separation of powers M.M. Speransky created a springboard for the subsequent rise of political and legal thought in Russia in the late 19th – early 20th centuries. A two-stage theory of the imposed (not contractual) version of the constitution was designed aiming at legalizing the limited power of the monarch's representative bodies. The author of the article ascribes the thesis that “monarchical rule from above and its formal recogni-

© Козловская В.И., 2014.

tion (by popular vote) from below of the type of the French Charter of 1814” to M.M. Speransky and argues that it appeared in Russia and influenced the national political and legal thought as late as at the end of the 19th century. But even at present the presidential Russia seems largely nostalgic about this failed model.

Key words: liberalism, constitutionalism, constitutional monarchy, the theory of separation of powers, the system of checks and balances.

Начало 1810-х гг. – чрезвычайно важная эпоха в истории Российской империи. 1812-й принес стране и императору Александру I победу над Наполеоном и упрочение абсолютной монархии. Однако Россия, страна-победительница, как бы застыла на месте, а затем сделала очередной поклон в сторону привычного для себя абсолютизма. Она демонстративно отказалась от прогрессивных законопроектов М.М. Сперанского, более того, отправила реформатора в ссылку (1812 г.) и отступила на целых полстолетия от реализации его программы об отмене крепостного права, ликвидации сословных противоречий и других пережитков, тянувших страну назад, в феодализм. В эту сложную эпоху проявил себя гений М.М. Сперанского – крупномасштабного государственного и политического деятеля России, равных которому в деле устройства отечественной государственности не знает история страны последующих десятилетий XIX в. и трагедия которого (гражданская и политическая) состояла в том, что, как сказал близкий ему Г.С. Батеньков, он «шел слишком впереди своего времени» [подробнее см.: 9, с. 37; 12, с. 137–139].

Общественно-политическую деятельность М.М. Сперанского, по сути, еще только предстоит изучить, хотя обращение к ней все более уверенно фиксируется в современной российской политико-правовой мысли [5–8;

10, с. 417–431], в том числе и научно-популярной [в частности, см.: 13]. В предлагаемой работе остановимся лишь на одном и до сих актуальном аспекте государственнического учения М.М. Сперанского – на системе сдержек и противовесов в его теории разделения властей. Основой для исследования послужит его знаменитый труд «Введение к уложению государственных законов», в котором в полном объеме сформулирована авторская концепция, в дальнейших трудах лишь получившая свое углубленное обоснование [11].

Предмет исследования М.М. Сперанский формулирует следующим образом: так как «настоящая система правления не отвечает более состоянию общественного духа и настало время переменить ее и основать новый вещей порядок» [11, X.15.30]¹, то важно таким образом «осуществить преобразования, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непреложном (неприменяемом) законе» [11, X.16.31], то есть умерить, уравновесить (как мы сказали бы сегодня) самодержавие законом. Итак, по замыслу реформатора, противовесом государственной (державной, как ее называет автор, – *прим. В.К.*) власти должен был служить закон.

¹ Ссылки здесь и далее даются либо на разделы (X), пункты (15) и подпункты (30), на которые разделен труд М.М. Сперанского [11], либо традиционно на страницы издания.

Поскольку, продолжает он, «нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его», то, во-первых, «Важно учредить такой порядок государственных сил», чтобы одно из них (этих сил – *прим. В.К.*) установлений (институтов – *прим. В.К.*) действовало в образовании закона, другое в исполнении, третье – в части судной» [11, X.16.31]. Как видим, этой мерой М.М. Сперанский предлагает и противовес, и одновременно сдержки внутреннего характера. Во-вторых, так как государство уже пережило ту форму самодержавия, которая была лишь внешне облечена формами закона (из контекста явствует, что автор ассоциирует ее с эпохой Екатерины Великой, – *прим. В.К.*), то настало время «ограничить его внутренней и существенной силой установлений и учредить державную власть на законе не словами, но самым делом» [11, X. 16.31].

Свою концепцию М.М. Сперанский характеризует на основе свойственного ему системного видения проблемы: он не просто перечисляет задолго до него известные по названиям ветви власти, но в само это перечисление включает ту совокупность сдержек и противовесов, которые должны служить, по его замыслу, максимально разумной организации деятельности каждой из этих властей [11, X.17.33, X.17.35]:

– «законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное»;

– «сословие судебное должно быть так образовано, чтобы в бытии своем

оно зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству»;

– власть исполнительная должна быть исключительно вверена правительству; по поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно ее поставить в ответственность власти законодательной»;

– «в разуме законов, державную власть определяющих, должно изобразить, какое действие власть сия должна иметь в порядке законодательном, в судном и исполнительном».

Этот последний тезис занимает особое место в теории разделения властей М.М. Сперанского. При определении места державной власти в законодательном порядке автор исходит, прежде всего, из того, что законодательный «порядок» (имеются в виду «организация», «структура» – *прим. В.К.*) любого государства (будь то, по его мнению, Англия, Франция, Германия или Россия) слагается из трех начал – из предложения закона, его уважения и утверждения [11, X. 17.35].

Предложение закона должно предоставить исключительно правительству [11, X.17.36], «и сила сия в одном только злоупотреблении должна быть умеряема», но, с другой стороны, уверен автор, если источник закона поставить вне пределов державной власти, то «в законодательном собрании будет теряться время и может произойти несвязность». Конечно, говорит он, можно было бы «во избежание этого учредить в законодательном сословии множество форм и обрядов», но это

произведет «великую сложность и затруднение», а правительство окажется в неприятном положении «отвергать или не давать своего утверждения на такие предметы, кои будут законодательным сословием приняты» [11, X.17.37]. Как следствие, М.М. Сперанский считает целесообразным закрепить прерогативу предложения законов исключительно за державной властью [Там же]. Она, будучи окружена в своих деяниях Государственным Советом, действующим на основе закона, а не по произволу, «всегда будет иметь более способов предлагать законы с зрелостию, нежели каждый отдельный член законодательного сословия» [11, X.18.38]. К тому же, подчеркивает М.М. Сперанский, державная власть будет избегать вредных законов, ибо они будут отвергнуты в законодательном сословии, но и полезного только для самой себя закона она также не предложит, так как «им она лишь стеснит себя в собственных последующих деяниях» [Там же]. Такими противовесами, считает автор, можно сдерживать власть монарха от злоупотреблений в законодательной сфере.

Отдельно М.М. Сперанский, реформатор-перфекционист, останавливается на принципиально важном исключении из этого правила. Он пишет: «Когда какой-либо мерой правительство нарушит коренной государственный закон (то есть нормы личной и политической свободы) или в установленное время не представит узаконенных отчетов, то законодательное сословие может предложить дело на рассмотрение, возбудить в узаконенном порядке следствие против того министра, который подписал сию меру, и просить отмены этой меры»

[11, с. 20, 39]. *Уважение закона* принадлежит, безусловно, законодательному сословию, но нельзя исключить из него и министров: ведь, подчеркивает М.М. Сперанский, если они отвечают за меры, ими принимаемые, то «сама справедливость требует дозволить им поддерживать и объяснять предложения правительства» [11, с. 20, 40].

Державной власти в концепции М.М. Сперанского отведена стержневая роль: государь своей властью *утверждает закон*. Ему же должны принадлежать и исполнение закона, и власть судная (судебная), как его часть. Неслучайно, утверждает автор, «везде и у всех народов суд ее (державной власти – *прим. В.К.*) именем производится» [11, с. 21, 42]. С другой стороны, он – сторонник тезиса о передаче исполнения судебной власти судьям, избираемым подданными, хотя соблюдение чистоты судебных форм и традиций должно оставаться под контролем державной власти [11, с. 20, 43–44].

Только такой двухуровневой системой организации власти: (1) три ее ветви во взаимодействии при верховной роли государя в каждой из них и (2) наличие сдержек и противовесов как внутри каждой из них, так и между ними) можно ограничить, «умерить» самовластие и, что важно, открыть путь для того, чтобы «при благоприятных обстоятельствах постепенно следовать за гражданским усовершенствованием». Такой медленный, поступательный путь развития М.М. Сперанский считает наиболее естественным для русского народа, как, впрочем, и для других народов северной Европы [11, с. 17, 34]. Неслучайно, что в первой части «Введения в уложение» автор уделил всестороннее внимание

германскому прообразу российской политико-правовой системы, хотя его сокровенные симпатии находились на стороне Англии с ее конституционной монархией, а также Франции и ее буржуазной конституции.

Итак, М.М. Сперанский – безусловный сторонник ограниченной монархии в том ее варианте, который ближе всего, пожалуй, к союзу монарха и представительного органа власти – парламента; он – оппонент традиционной (начиная с эпохи Петра Великого) для российского абсолютизма коалиции монарха и бюрократии. Новизна его идейной позиции, глубина подхода к теме и трезвость понимания проблемы соотношения социальных сил в стране и ее политической системы приводят автора к следующим конкретным выводам:

1) в России отсутствует гражданское общество; средний класс, который единственно мог бы стать социальной базой демократических преобразований, находится в эмбриональном состоянии;

2) крепостничество и крепостное право – тормоз в социальных преобразованиях для их осуществления по типу «блиц»;

3) западноевропейский опыт в принципе мало применим; определенное исключение составляет Германия (в частности, Бавария), где стратегом, основным носителем преобразовательной программы являлась не буржуазия, а само государство с его предпочтением принудительных методов [подробнее см.: 4, с. 41–45].

С учетом этих факторов М.М. Сперанский предложил сложную систему политико-правовых преобразований, которые а) должны были коснуться

всех сфер жизнедеятельности русского общества и б) были рассчитаны на длительный период, как минимум, на десятилетия. России было необходимо время для модернизации социально-политических отношений на основе отмены крепостного права, утверждения новых сословий, создания новой бюрократии, воспитания на либеральных идеалах, которые сочетали бы в себе принципы монархизма и конституционализма и тем самым минимизировали бы инструменталистскую роль бюрократии. Полномочия чиновников М.М. Сперанский отводил представительным выборным органам управления как в центре, так и на региональном уровне. Но для своего времени он склонен был рассматривать высшую бюрократию, как максимум желаемого, в качестве арбитра во взаимодействии общества и его представительных учреждений, с одной стороны, и монарха, с другой. Следует заметить, что этот последний тезис, несмотря на всю его принципиальную важность, остался наименее проработанным в авторской концепции: «три ветви власти + монарх».

В результате реформатор остановился на такой форме дуалистического правления, при которой и парламент, и монарх обладают фактически равными прерогативами в законодательной и неразрывно связанной с нею исполнительной сферах власти. В то же время он признавал важность последующего совершенствования исполнительной системы за счет создания класса буржуазии и развития на ее основе бюрократии, образованной и воспитанной в духе преданности государю. В отдаленной же перспективе М.М. Сперанскому виделся вариант не столько кон-

ституционного монархизма, сколько монархического конституционализма, когда монархическая система сохраняется, но – в соответствии с законом – меняет структуру власти и форму правления. На ближайшее будущее, если воспользоваться принятой в политико-правовой мысли современной России терминологией [4], свой политико-правовой идеал М.М. Сперанский видел в так называемом мнимом конституционализме, когда монарх возвышается над парламентом, как демократическим институтом. Классический пример конституционной монархии (Англия) казался автору более чем преждевременным. Кстати, того же мнения придерживался его покровитель (до 1812 г.) Александр I, а с другой стороны, такой именитый оппонент М.М. Сперанского, как Н.М. Карамзин, автор известной аксиомы: «Самодержавие – палладиум России», который, кстати говоря, своей секретной запиской к государю сыграл принципиальную роль не только в разрыве партнерства монарха и его госсекретаря, но и в отправке последнего в длительную ссылку.

Собственно российский вариант совершенствования государственного устройства был предложен лишь десятилетия спустя М. Ковалевским, П. Виноградовым, П. Милюковым. Они сформулировали идею перехода к представительному правлению не через всевластие конституции, а при помощи системы парламентских соглашений, когда правительство находилось бы в полной зависимости от парламента, ибо именно парламент контролировал систему кредитования и бюджетные ассигнования и, следовательно, приостановив их, в любой мо-

мент мог парализовать деятельность администрации или исполнительной власти правительства в целом.

Как видим, своей концепцией разделения властей М.М. Сперанский создал трамплин для последующего взлета политико-правовой мысли России, на рубеже XIX–XX вв. оформившей двухступенчатую теорию октроированного (а не договорного) варианта конституции [1, с. 11–13; 2, с. 31–34; 3]. Она была призвана легализовать ограниченную представительными органами власть монарха. Таким образом, тезис: «Монархическое правление сверху и его формальное признание (путем народного волеизъявления) снизу по типу Великой французской хартии 1814 г.», провозвестником которого, по нашему мнению, в России явился М.М. Сперанский, в полном объеме вошел в отечественную политико-правовую мысль лишь на рубеже XIX–XX столетий, а на практике возглавляемая Президентом современная Россия и сегодня во многом ностальгирует по этой несостоявшейся модели.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев А.С. Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX столетия [Ч. 1. Французская конституционная Хартия 1814 года]. – М.: Проспект, 1914. – 271 с.
2. Бромхед П. Эволюция британской конституции. – М.: Мысль, 1978. – 242 с.
3. Медушевский А.Н. Идея разделения властей // Вестник РАН. – 1994. – № 1. – С. 79–98.
4. Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 30–46.
5. Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм? // Социологи-

- ские исследования. – 1994. – № 2. – С. 37-53.
6. Медушевский А.Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 6. – С. 71–89.
 7. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. – М.: Смарт, 2005. – 278 с.
 8. Осипов И.Д. Истинная монархия графа М.М. Сперанского // Сперанский М.М. *Руководство к познанию законов*. – СПб.: Наука, 2002. – С. 3–44.
 9. Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. – М.: Мысль, 1982. – 230 с.
 10. Семигин Г.Ю. Российские политико-правовые доктрины. – М.: Мысль, 2005. – 925 с.
 11. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (1809 г.) // *Историческое обозрение* [Т. X]. – СПб.: Историческое общество при СПб ун-те, 1899. – С. 1-62.
 12. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2-х т. – Т. I. – СПб.: София, 1991. – 319 с.
 13. Томсинов В.А. Светило русской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Воскресенье, 1993. – 308 с.

УДК 34. 038.

Никулин В.В.

Тамбовский государственный технический университет

ИНСТИТУТ АМНИСТИИ И ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Рассмотрена практика применения амнистий и досрочного освобождения в советской России в 1920-е годы. Выявляются базовые принципы и классовое содержание проводимых амнистий. Амнистии вписывались в общую концепцию советской уголовной политики, исходящей из принципа целесообразности применения тех или иных мер социальной защиты к трудящимся, из принципа борьбы лишь с теми правонарушениями, которые носят общественно опасный характер, и лишь, поскольку и до тех пор, пока и поскольку они этот характер сохраняют. Утверждается, что институт амнистии, став неотъемлемой частью советской карательной политики, приобрел две основные функции: был методом реализации политики освобождения лиц из «своих» социальных групп и служил средством разгрузки тюрем.

Ключевые слова: амнистия, досрочное освобождение, классовый принцип, карательная политика, рецидив, правонарушение.

V. Nikulin

Tambov State Technical University

THE INSTITUTE OF AMNESTY AND PAROLE IN SOVIET CRIMINAL LAW

Abstract. The article is concerned with the practice of amnesties and parole in Soviet Russia in the 1920s. The basic principles and ideological content of the held amnesties are identified. It is argued that the concept of the Soviet penal policy was based on the principle of feasibility of various measures of social protection of workers and issued from the principle of struggle with only those offenses which are socially dangerous. The institute of amnesty and parole as an integral part of the Soviet penal policy acquired two main functions: to be a technique for carrying out a policy of releasing persons from particular social class-based groups and to serve as a means of unloading prisons.

Key words: amnesty, parole, class-based principle, punitive policy, old offense, delict.

Юридическая наука рассматривает амнистию как меру, применяемую по решению органа государственной власти к лицам, совершившим преступления, сущность которой заключается в полном или частичном освобождении от наказания, замене наказания на более мягкое или в прекращении уголовного преследования [2, с. 401]. Совет-

© Никулин В.В., 2014.

ская трактовка амнистий заключалась в том, что акты амнистии должны исходить из необходимости облегчения в первую очередь участи трудящихся, совершивших те или иные преступления случайно или по неосознанности, освобождение которых от наказания не представляет опасности для государства. В отношении их государство ставит задачи исправления, избавле-

ния от пережитков и старых привычек, унаследованных от капитализма, и воспитания в духе коммунистической морали. При этом юридические признаки трудящихся отсутствовали, присутствовали лишь социальные признаки. Таким образом, амнистии рассматривались в первую очередь как метод освобождения «трудящихся» от наказания, как революционная форма «реабилитации заблудших» [3, с. 23].

В 1920-е гг. амнистия, как юридический институт получил конституционное закрепление. Согласно Конституции СССР 1924 года, «право амнистии, распространяемое на всю территорию СССР» принадлежало ведению Союза ССР в лице его верховных органов. Право амнистии сохранялось и за центральными исполнительными комитетами республик (ст. 69 Конституции СССР, 1924 г.). Вскоре последовало законодательное уточнение субъектов, наделенные правом объявления амнистий. В «Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик», утвержденных 31 октября 1924 г., устанавливалось, что право освобождать осужденных от мер наказания и понижать установленную законом меру наказания принадлежит в отношении приговоров народных судов, и в отношении приговоров областных, краевых, окружных и соответствующих им судов и Верховных Судов союзных республик центральным исполнительным комитетам последних по принадлежности, а в отношении приговоров Верховного Суда СССР и военных трибуналов – ЦИК СССР [4]. В статье 52 УК РСФСР (ред. 1926 г.) уточнялось, что «право полного или частичного освобождения осужденного от применения к нему

мер социальной защиты сверх предусмотренных настоящим кодексом случаев принадлежит в отношении приговоров всех судебных органов РСФСР исключительно Президиуму ВЦИК.

Таким образом, амнистии были узаконены и стали неотъемлемой частью карательной политики, решая две основные задачи: были методом реализации политики освобождения лиц из «своих» социальных групп, а также средством разгрузки тюрем, постоянно страдающие от переполненности. Амнистии в 1920-е гг., приуроченные, как правило, к пролетарским праздникам, стали столь частым и ожидаемым явлением, что «нигде с таким нетерпением не ждали праздников пролетариата как в тюрьмах» [6, с. 178]. В период с 1920 по 1928 гг. в советской России было проведено более 20 амнистий, как всероссийских, так и выборочных, распространявшиеся на отдельные категории осужденных или на отдельные местности. Первая серьезная разгрузка тюрем произошла в мае 1920 г., объявленная к празднику Первомай. Основная цель амнистии состояла не в полном освобождении от наказания, а перевод заключенных, не требовавших изоляции на принудительные работы без содержания под стражей. Амнистия не распространялась на активных контрреволюционеров, бандитов, профессиональных воров, спекулянтов, имеющих более одной судимости¹.

Вторая крупная амнистия была объявлена Декретом ВЦИК от 4 ноября 1921 г. «Об амнистии» в ознаменование 4-й годовщины власти трудящихся и в связи с окончанием гражданской войны. Освобождались

¹ Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). – 1920. – № 2. – Ст. 14.

полностью от отбывания наказания все приговоренные с ограничением и без ограничения прав к условному лишению свободы и лица, осужденные на сроки до одного года. Срок отбывания заключения для лиц, осужденных на сроки от одного года до 3-х лет, сокращались наполовину, на сроки от 3-х до 5-ти лет – на 1/3. В отношении лиц, приговоренных к высшей мере наказания, предусматривалось рассмотрение вопроса о применении к осужденным амнистии в виде замены высшей меры наказания лишением свободы на пять лет, разрешая его, каждый раз в зависимости от существа дела.

Амнистия не распространялась на осужденных за бандитские преступления, за участие в белогвардейских заговорах, шпионаже и открытых вооруженных выступлениях и на деятелей антисоветских политических партий; на имущественные взыскания, наложенные в виде наказания. Декрет содержал оговорку, предусматривающая право органов, применяющих амнистию, иметь право в отдельных случаях возбуждать перед Президиумом ВЦИК ходатайство о неприменении амнистии по отношению к отдельным лицам, освобождение коих может представить опасность для Республики¹.

Третья широкая общая амнистия была объявлена Постановлением ЦИК СССР об амнистии к 10-летней годовщине революции (март 1927 г). Смягчались меры социальной защиты в отношении всех осужденных, за исключением активных членов политических партий, ставящих себе целью уничтожение советского строя, злостных растратчиков и взяточников. Всем осужденным к расстрелу, за ука-

занными исключениями, таковой заменен 10-летним лишением свободы. Освобождались осужденные судами на лишение свободы до 6 месяцев, а трудящиеся – осужденные судами до 1 года, если они были осуждены впервые. Осужденные впервые трудящиеся освобождались от дополнительной высылки или ссылки. С них снимались всякие правопоражения, судимость и условное осуждение. В качестве обязательного условия амнистии, осужденным «трудящимся» необходимо было отбыть половину срока, назначенного судом, всем же остальным – 2/3 срока². По амнистии из мест лишения свободы были освобождены несколько десятков тысяч человек, а число заключенных к концу года сократилось до 82449 человек [5, с. 54]. Столь широкая амнистия вписывалась в общую концепцию советской уголовной политики, исходящей из принципа целесообразности применения тех или иных мер социальной защиты к трудящимся, из принципа борьбы лишь с теми правонарушениями, которые носят общественно опасный характер, и лишь, поскольку и до тех пор, пока и поскольку они этот характер сохраняют.

Широкое распространение в советской России получили так называемые, выборочные амнистии, проводившиеся в отношении определенных социальных групп или в отдельных регионах. Например, в апреле 1923 г. были изданы два акта об амнистии: Декрет ВЦИК «Об амнистии карельским беженцам» и Декрет ВЦИК «Об амнистии неплательщиков единого натурального налога». В первом случае

¹ Там же. – 1921. – № 75. – Ст. 614.

² Собрание законов СССР (СЗ СССР). – 1927. – № 71. – Ст. 620.

амнистировалось население Карелии, ушедших от большевиков в Финляндию в 1921–1922 гг.¹ Во втором случае граждане, впервые совершившие преступления, предусмотренные статьей 79 и частью 2 статьи 80 Уголовного кодекса РСФСР, а также малоимущие семьи красноармейцев, инвалиды империалистической и гражданской войн и семьи погибших в этих войнах освобождались от дальнейшего отбывания наказания лишением свободы и принудительными работами². Эта была первая налоговая амнистия, примененная в советский период. В феврале 1924 г. к международному дню работниц ЦИК СССР объявил об амнистии «работницам и крестьянкам, случайно или по нужде совершившим преступления» [4].

30 июня 1924 г. Президиум ВЦИК объявил об амнистии на территории Тамбовской всех крестьян, осужденных к лишению свободы и принудительным работам за неуплату единого сельхозналога в 1923–1924 гг.³ В ноябре 1924 г. объявляется амнистия «лицам, совершившим побег из Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Флота»⁴. В марте 1925 г. была объявлена амнистия на территории республик, входящих в состав Закавказской федерации. От наказания освобождались все крестьяне, приговоренные к лишению свободы или принудительным работам за невзнос или за неплатеж в срок сельскохозяйственного налога, отменялось взыскание с них всех невзысканных штрафов и не проведенная конфискация их имущества. Те же

меры распространялись на кустарей. Эта амнистия была значительной по масштабам и была направлена, прежде всего, на стабилизацию политического положения в Закавказье.

Дополнением к амнистиям стала практика досрочного освобождения, которое проводилось часто и регулярно и которое тюремное население ждало с нетерпением. Если амнистию ожидали в основном к праздникам, то «разгрузку» ждали постоянно. Тюрьма радовалась каждому новому заключенному. Чем больше – тем лучше: росли шансы выйти на свободу по «разгрузке» [1, с. 65]. Декретом СНК от 21 марта 1921 г. «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных» устанавливались общие правила условно-досрочного освобождения. Право представления к досрочному освобождению ранее половины отбытого срока имели лишь Распределительные комиссии, дела рассматривались судебными учреждениями по месту отбытия наказания⁵.

В целом же институт условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания регулировался в аспекте общих принципов уголовной ответственности и, в частности, достижения целей наказания. Условно-досрочное освобождение выражалось либо в полном освобождении от отбываемого наказания, либо в переводе на принудительные работы без содержания под стражей на весь оставшийся срок наказания или часть его. Ходатайство о досрочном освобождении могли возбуждать сами осужденные. Его близкие, организации, учреждения и должностные лица, но не ранее отбытия осужденным по-

¹ СУ РСФСР. – 1923. – № 39. – Ст. 405.

² Там же. – Ст. 408.

³ Там же. – 1924. – № 37. – Ст. 60.

⁴ СЗ СССР. – 1924. – № 18. – Ст. 47.

⁵ СУ РСФСР. – 1921. – № 22. – Ст. 138.

ловины срока наказания. Суды не имели права возбуждать вопроса о досрочном освобождении (ст. 53–55 УК РСФСР, 1922 г.).

В 1923 г. комиссия под председательством А. А. Сольца провела выборочную проверку учреждений, находящихся в ведении Главного управления мест заключения НКВД РСФСР. В результате этой проверки комиссия прекратила дела и освободила до 60% заключенных, отбывавших наказание в проверенных учреждениях¹. 24 мая 1923 г. ВЦИК принял постановление о досрочном освобождении заключенных. Прекращались производством дела, возникшие до 1 января 1923 г., по которым еще не закончено следствие, или не были заслушаны в суде, за исключением дел по статьям 57–73 (государственные преступления). Освобождались от дальнейшего содержания под стражей осужденные на сроки до трех лет в случае отбытия ими 1/3 наказания. Изменялась мера пресечения в отношении тех подсудимых, которые находились под стражей свыше 6 месяцев со дня задержания, кем бы оно не было произведено. Пересматривались дела в отношении всех остальных заключенных².

Законодатель в УК РСФСР 1926 г. уточнил порядок назначения и применения условного осуждения и условно-досрочного освобождения. Основанием применения условного осуждения для суда служила убежденность, что степень опасности осужденного не требует обязательной его изоляции или исполнения принудительных работ. В случае условного осуждения

приговор не приводился в исполнение. Условно – досрочное освобождение заключалось либо в освобождении от дальнейшего отбывания назначенной судом меры социальной защиты, либо в замене ее более мягкой. Основанием применения условно – досрочного освобождения могло стать признание судом очевидное стремление осужденного к исправлению (ст. 53, 56 УК РСФСР, 1926 г.). Укрепление законодательной основы позволило судам более четко видеть основания применения и порядок его применения.

Обязанность следить за досрочным освобождением возлагалась на прокуроров. Прокуроры при досрочном освобождении должны были учитывать ряд критериев: рецидивист или случайно совершивший преступление; совершено ли преступление из корысти или из низменных побуждений; социальное положение отбывающего наказание с учетом его принадлежности к рабочим, крестьянам, беднякам и батракам; отношение рабочих и крестьян к освобождению данного лица и т. д. Ни в коем случае, даже при наличии всех критериев, прокуроры не могли дать согласия на досрочное освобождение злостных растратчиков, бандитов, конокрадов и закоренелых хулиганов³.

В ноябре 1926 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление о разгрузке мест заключения путем досрочного освобождения из мест лишения свободы некоторых категорий заключенных⁴. Было досрочно освобождено почти 45 тысяч человек. В 1927 г. Распределительные комиссии удовлетворили 47 процентов ходатайств заклю-

¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). – Ф.Р. 659. – Оп. 1., д. 5, л. 11.

² СЗ СССР. – 1924. – № 24.

³ ГАТО. – Ф.Р. 659. – Оп. 1., д. 21, л. 14.

⁴ Там же, д. 29, л. 49.

ченных о досрочном освобождении из числа рабочих, 56,1 процента – из числа крестьян, 43,7 процента – из числа служащих и 27,5 процента – из числа «нетрудовых элементов»¹.

В марте 1928 г. к весенней посевной кампании досрочно были освобождены маломощная и бедняцкая часть крестьян, осужденных в связи с проведением хлебозаготовительной кампании по 74 (хулиганство), 107 (злостное повышение цен), 111 (бездействие власти), 109 (злоупотребление властью) статьям УК. Тем, кто не отбыл срок заключения до конца, предоставлялись отпуска для проведения весенних полевых работ. В июне ВЦИК РСФСР принял декрет, согласно которому лица, осужденные за самогоноварение после отбытия ими не менее 2 месяцев, а за сбыт самогона – не менее 4 месяцев, подлежали условно-досрочному освобождению. Действие этого декрета распространялось в основном на рабочих и крестьян, которые эти преступления совершали «в силу темноты и невежества»².

В советских амнистиях в качестве главного критерия со всей очевидностью присутствовал классовый характер, амнистированию в большинстве случаев подвергались лица, относившиеся лишь к трудящимся классам. В основе такого подхода лежала теория о способности «своих» классов к перевоспитанию. Принципиальная сторона советских амнистий состояла также и в том, что они распространялась только на преступников, совершивших противоправные деяния не против государства, а против личности. Все «преступники», покушавшиеся на порядок

управления, государственную собственность, занимавшиеся антигосударственной пропагандой, подрывной и контрреволюционной деятельностью, а также враги народа под амнистию не попадали. Поэтому в актах об амнистии всегда ограничивались пределы ее действия установлением конкретных сроков, в которые были совершены преступления, подпадающие под амнистию и составы преступлений, не подпадающие под амнистию.

Общее число лиц, к которым мог быть применен акт амнистии, был высоким. Это обуславливалось тем, что амнистии касались не конкретных людей, а состава преступления, а потому абсолютно всех людей, подпадающих и отбывающих наказание по этой статье, амнистировали. В том числе и неоднократно судимых за мелкие преступления. В этом состояла одна из особенностей советской уголовной политики и системы наказания, заключавшаяся в том, что человек, неоднократно судимый за мелкие преступления, мог быть и неоднократно амнистирован, так как законодательство не признавало его рецидивистом. Рецидивистами признавалась лишь небольшая часть осужденных, только по тяжким преступлениям. В ряде актов об амнистии содержались специальные указания о том, что амнистия может применяться два и большее количество раз к одному и тому же лицу за одно и то же преступление. В частности, в декрете ВЦИК от 4 ноября 1921 г. было сказано, что при исчислении сроков наказания за исходный следует принимать срок, подлежащий отбытию совершившим преступление «после применения к нему предыдущих амнистий»³. В ре-

¹ СУ РСФСР. – 1920. – № 2. – Ст. 14.

² ГАТО. – Ф.Р. 5201. – Оп. 1., д. 36, л. 1–2, 14.

³ СУ РСФСР. – 1921. – № 75.

зультате 70% осужденных не считались рецидивистами, что давало им право быть амнистированными. Была и прозаическая причина частых амнистий – это стремление разгрузить тюрьмы, которые, как правило, были переполнены.

Начиная с конца 1920-х годов, уголовная политика была ужесточена, и амнистированных стало гораздо меньше. В 1918–1928 гг. амнистии ежегодно объявлялись к октябрьским датам, а часто и к 1 Мая. Затем амнистией стали отмечаться только каждые 10 лет революции. Сказывалась потребность в дешевой рабочей силе и разочарование в способности своих классов к исправлению. Институт амнистии и досрочного освобождения, став неотъемлемой частью советской карательной политики, приобрели две основные функции: были методом ре-

ализации политики освобождения лиц из «своих» социальных групп и служили средством разгрузки тюрем.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 557 с.
2. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право (общая часть). – М.: Юрлитинформ, 2009. – 448 с.
3. Ежедневник советской юстиции [№ 7]. – М.: НКЮ РСФСР, 1925. – 132 с.
4. Известия ЦИК СССР [№ 47]. – 1924. – 26 февр.
5. Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. – Чебоксары: Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 1999. – 206 с.
6. Чердаков О.И. Формирование правоохранительной системы Советского государства (1917-1936 гг.): дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 452 с.

РАЗДЕЛ II. ЧАСТНОЕ ПРАВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

УДК 347.91

Борисова Л.В.

Московский государственный областной университет

О СТРУКТУРЕ ЧАСТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВА

Аннотация. В статье на основе анализа существующих в научной литературе точек зрения исследуются элементы структуры частного права, дано разграничение понятий «частное право» и «частное законодательство». Обращается внимание на субъективизм присущий подходам к делению частного права на отрасли; определены особенности норм, требующих, на взгляд автора, перехода в определении прав и обязанностей сторон договорных отношений от императивных правил к диспозитивным. Проблематика статьи может быть полезной научным работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических факультетов, а также всем интересующимся проблемами частного права.

Ключевые слова: частное право, отрасль права, принцип права, диспозитивная норма, договор.

L. Borisova

Moscow Regional State University

TOWARDS THE STRUCTURE OF PRIVATE LAW AND LEGISLATION

Abstract. On the basis of the analysis of existing viewpoints in scientific literature the elements of the structure of private law are investigated and the distinction is shown between the terms “private law” and “private legislation”. The author highlights the inherent subjectivity of approaches to the division of private law into sections. The author describes the rules which require the transition in determination of rights and obligations of the parties of contractual relationship from mandatory norms to the dispositive ones. The article can be useful to scientists, teachers, postgraduates, undergraduates of the law faculties, and all interested in the problems of private law.

Key words: private law, branch of law, principle of law, private law, dispositive norm, contract.

Вопрос о структуре частного законодательства и права представляет собой одно из малоисследованных направлений цивилистической науки. Конечно, в теории права существует немало работ посвященных общим вопросам системы права и правовой системы, структуре права и законодательства [15, с. 42–44]. Однако на поставленный вопрос и, прежде всего, вопрос о критериях деления частного права на отрасли, цивилистам еще предстоит ответить. Согласно общепринятому подходу, структура права определяется как характеристика внутреннего строения права. Структурность – это его объективное свойство, изучение которого позволяет осуществить упорядочение, систематизацию законодательства, а, следовательно, и наиболее эффективную реализацию права.

Как нам представляется, структура частного права, как одна из ветвей (систем) права в целом, может быть определена как его внутреннее строение, состоящее из элементов, находящихся в состоянии соподчинения и функциональной зависимости. Такими элементами являются отрасли, подотрасли, институты и нормы частного права. Основным элементом структуры частного права являются его отрасли, призванные регламентировать наиболее крупные сферы общественных отношений. В теории права под отраслью права принято понимать обособленную совокупность связанных едиными принципами и функциями правовых институтов, регулирующих качественно однородные общественные отношения.

В современный период, проблему определения отраслей частноправо-

вого порядка, можно считать частью наиболее общей проблемы право-отраслевого деления, которое, по справедливому замечанию В.И. Иванова, переживает период острого кризиса. Ученый отмечает некий субъективизм, присущий право-отраслевой принадлежности [7, с. 13]. Действительно, в юридической науке отсутствует единство во взглядах на критерии деления права на отрасли. Традиционно таковые выделяли по единству предмета и метода правового регулирования. В настоящее же время, при определении отраслей это условие не всегда соблюдается. Примером является выделение космического, экологического, информационного (компьютерного), энергетического, рекламного и других отраслей права [12]. Например, специфика энергии как объекта гражданских прав явилась основой для выделения энергетического права [13; 18]. Тем самым, если в 1941 г. были общеприняты 10 отраслей советского социалистического права, то в настоящее время посчитать их количество не представляется возможным.

Принимая во внимание изложенное, следует еще раз подчеркнуть справедливость приведенного выше утверждения В.И. Иванова о субъективизме существующего правоотраслевого деления. Соответствующий субъективизм наблюдается и при выделении отраслей частного права. Так, по мнению Е.А. Суханова, в систему частного права (наряду с крупными частями гражданского права) включаются также семейное, торговое (коммерческое), международное частное право [16, с. 26–30]. В состав частного права Т.В. Кашанина предлагает включать семь подразделений: гражданское

право, наследственное право, семейное право, авторское право, изобретательское (патентное) право, трудовое право, предпринимательское право с его ядром – корпоративным правом [9, с. 36–41]. Некоторые ученые в состав частного права включает земельное и природоресурсовое право [7, с. 443], а также договорное и корпоративное право [1, с. 32]. Особое положение в структуре частного права предлагают определять лесному, водному, горному праву, каждое из которых, заимствуя нормы гражданского законодательства, претендует на приоритет перед ним в своей специальной сфере [6, с. 64]. М.К. Сулейменов в состав частного права включает гражданское право, семейное право, трудовое право, международное частное право [17, с. 24]. Существуют различные позиции по вопросу существования в частном праве самостоятельной отрасли предпринимательского права. Например, сторонники школы «хозяйственного права» предлагают обособить эту отрасль от гражданского права и создать Хозяйственный кодекс, как законодательный акт, объединяющий многообразие норм хозяйственного законодательства [5].

Дискуссионным остается и вопрос выделения подотраслей и институтов в отраслях современного частного права. Традиционно понятие подотрасли права определяется как объединение нескольких институтов отрасли права. Институт же права есть совокупность правовых норм, регулирующих однородную систему общественных отношений. В частности, некоторыми авторами предлагается выделение семейного права в качестве подотрасли гражданского права [2]. Преимуще-

ственно же этот вопрос решен в пользу самостоятельности семейного права по отношению к гражданскому [14].

В.П. Мозолин и А.И. Масляев предлагают структурировать гражданское право на семь подотраслей: 1) правовое положение субъектов гражданских правоотношений; 2) право собственности и другие вещные права, 3) право на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность); 4) личные неимущественные права; 5) обязательственное право; 6) наследственное право; 7) международное частное право, применимое к гражданско-правовым отношениям. По замечанию ученых, каждая из указанных подотраслей имеет в составе правовые институты. Например, правовое положение субъектов гражданских правоотношений – институты правового положения физических лиц, юридических лиц, правового положения Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований [4, с. 26–30, 43].

Е.А. Суханов предлагает выделять в составе гражданского права: общую часть (в нее входят положения, касающиеся лиц, объектов гражданских прав, сделок, представительства, сроков исковой давности); вещное право; обязательственное право; исключительные права («интеллектуальная» и «промышленная» собственность); наследственное право; семейное право; торговое (коммерческое) право; международное частное право [20]. Таким образом, проблема структурирования частного права на отрасли, подотрасли и институты носит как минимум двух аспектный характер: во-первых, нахождение оснований деления права на отрасли (подотрасли, институты);

во-вторых, определение критериев отграничения отраслей частного правового и публично-правового порядка.

Как представляется при выделении отраслей частного права необходимо совокупное использование критериев деления права на частное и публичное [7]. Согласно этому отраслями частного права следует считать отрасли, направленные на превалированное удовлетворение потребностей частных лиц, а также свободу их волеизъявления и воздержания государства от властного регулирования данных отношений. Однако не следует забывать об условности такого разграничения. По общему признанию в чистом виде отраслей права просто не существует, все они в той или иной мере носят комплексный характер. Как точно заметил Н.М. Коршунов: «Речь идет об объективном процессе проникновения публичного права в сферы частного правового регулирования и наоборот» [8, с. 23].

Немаловажную роль при выделении отраслей частного права, на наш взгляд, должен играть законодатель. Считается общепризнанным, что отрасль права должна обладать своим предметом и методом регулирования. Если же предмет делится с другой отраслью права или метод является несамостоятельным, то речь идет об отрасли законодательства. Тем самым, отрасль права имеет в качестве первичного основания конкретную правовую норму, а отрасль законодательства – нормативный правовой акт (кодекс) [11, с. 23]. Таким образом, основным элементом структуры частного законодательства является нормативный правовой акт, а структуры частного права, прежде всего, его нормы. Последние, по мнению теоретиков права,

выступают строительным материалом, из которого складывается та или иная отрасль законодательства. При этом при построении такой отрасли нормы могут употребляться в разном наборе и в разном сочетании определенного нормативного акта (по функциям, целям, структуре социального управления и др.). Поэтому отрасли законодательства не всегда совпадают с отраслями права [2, с. 35–46].

Конечно, идеальным видится вариант, при котором отрасли частного права полностью совпадали бы с отраслями законодательства, например, гражданского или семейного. Ибо такое сближение двух систем повышает эффективность функционирования всего правового механизма. Однако в российском праве это вряд ли возможно. До настоящего времени массивы некоторых нормативных правовых актов не всегда отождествляются с какой-либо отраслью права, а многие отрасли существуют и без какой-либо отрасли законодательства. Проблемы возникают, в том числе при принятии комплексных актов, содержащих нормы разных отраслей права – конституционного, административного, гражданского, финансового и т. д.

Перспективной в научно-исследовательском плане представляется учет при выделении отраслей частного права его принципов (общих положений), т. е. специфических для данной отрасли идеи, которые характеризуют ее с точки зрения содержания. На наш взгляд, принципы, используемые в частном и публичном праве, придают им особый облик. С одной стороны, общими для них являются так называемые общеправовые принципы законности, справедливости, гуманиз-

ма, недопустимости произвольного ограничения прав и свобод гражданина и др. С другой стороны, как отмечалось, сферы частного правового и публичного регулирования не идентичны, а потому публичное право в наибольшей степени характеризует выражение публичных идей, таких как разнорядковость правового статуса лиц, иерархичность положения и разный объем властных правомочий, наличие «ведомственной» юрисдикции и др. [3]. Иные исходные начала характерны для частного права. Это отношения равных в юридическом смысле лиц. Отсюда вытекают такие принципы как равенство участников, регулируемых отношений, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, свободы договора и др. Одним из основных принципов частного права считается принцип диспозитивности, который определяет сущность большинства его норм, являющихся одним из элементов его структуры.

Учеными цивилистами, нормы частного права классифицируются различным образом. Наиболее удачной видится деление частнопровых норм, предлагаемое Т.В. Кашаниной на индивидуальные, корпоративные и договорные нормы. По мнению ученого, индивидуальные нормы – это правила поведения, сформулированные индивидами, выражающие их собственную волю и охраняемые силой государственного принуждения. Корпоративные нормы – правила поведения, разрабатываемые органами управления корпораций, распространяемые только на их членов и направленные на регулирование отношений, складывающихся внутри корпораций. Договорные нормы – правила поведе-

ния, которые устанавливаются путем соглашения между двумя или более субъектами (гражданами или корпорациями) по вопросам, представляющим взаимный интерес, и исполнение которых гарантируется применением мер государственного принуждения [10, с. 29]. Как известно, в содержании частного права договорные нормы имеют большой удельный вес и значимость. Они выражают волю контрагентов, определяют их права и обязанности, интересы сторон и устанавливаются для достижения определенной цели. Однако в последние годы в юридической печати содержится все больше предложений в части замены жесткой презумпции императивности норм договорного права на диспозитивную.

Даная проблема, например, обсуждалась при согласовании редакции законопроекта «О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». По мнению разработчиков в отечественной судебной практике с советских времен закрепилась жесткая презумпция императивности норм гражданского права в части регулирования договорных отношений. Законодательные положения, регламентирующие такие отношения, рассматриваются судами в качестве императивных, за исключением норм, в которых содержится оговорка, прямо закрепляющая право сторон договориться об ином («если иное не установлено договором»). Таким образом, российские суды де-факто применяют нормы Гражданского кодекса (ГК РФ) исходя из принципа императивно-

сти: запрещено все, за исключением прямо разрешенного в тексте ГК РФ. При таком подходе принцип свободы договора (право участников оборота заключать любой, пусть даже и не названный в ГК РФ договор, условия которого не были бы прямо запрещены законом) является декларацией, лишённой практического смысла [14; 19].

Свобода субъектов частного права в договорных отношениях существенно ограничена и по сравнению с иными развитыми правовыми порядками. В зарубежной практике большинство норм, регулирующих права и обязанности сторон договора являются диспозитивными. С учетом изложенного, представляется приемлемым предложение о переходе в определении прав и обязанностей сторон договорных отношений от императивных норм к диспозитивным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву: поиски и решения. – М.: Норма, 2001. – 752 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х т. [Т.1]. – М.: Юрид. лит., 1981. – 355 с.
3. Алексеев С.С. Право (азбука, теория, философия): опыт комплексного исследования. – М.: Инфра-М, 1998. – 712 с.
4. Антокольская М. В. Семейное право. – М.: Юрист, 2002. – 336 с.
5. Гражданское право: в 3 т. [Т. 3] / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого, 3-е изд. – М.: Велби, 2003. – 784 с.
6. Гражданское и торговое право капиталистических стран: учеб. пособие / под ред. В.П. Мозолина и М.И. Кулагина. – М.: Высшая школа, 1980. – 242 с.
7. Дойников И.В. Хозяйственное (предпринимательское) право: новый курс. – М.: ПРИОР, 2001 – 415 с.
8. Зенин И.А. Гражданское и торговое право современной Испании // Вестник МГУ. Сер. 11 (Право). 1989. № 2. – С. 64–67.
9. Концепция частного и публичного права России / под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. – М.: Закон и право, 2013. – 175 с.
10. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – М.: Инфра-М, 2011. – 240 с.
11. Кашанина Т.В. Корпоративное право (право хозяйственных товариществ и обществ). – М.: Инфра-М, 1999. – 815 с.
12. Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. – М.: Дело, 1992. – 144 с.
13. Лахно П.Г. Программа спецкурса «Энергетическое право и политика в XXI веке» // Энергетическое право. – 2008. – № 1. – С. 12–19.
14. Лившиц Р.З. Теория права. – М.: БЕК, 1994. – 224 с.
15. Нечаева А.М. Семейное право: курс лекций / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2002 – 336 с.
16. Общая теория государства и права: учебник / под ред. А.Ф. Вишневого. – Минск: Акад. МВД РБ, 2013. – 480 с.
17. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: краткий учебный курс. – М.: Норма, 2000 – 688 с.
18. Попондопуло В.Ф. Энергетическое право и энергетическое законодательство: общая характеристика, тенденции развития // Правоведение. – 2007. – № 3. – С. 3–12.
19. Резолюция Партнерства относительно поправок к ГК (23 апреля 2012 г.) [Электронный ресурс] // Содействие развитию корпоративного законодательства: некоммерческое партнерство [сайт]. – URL: <http://www.civillegislation.ru/iniciativy/proekty> (дата обращения: 12.05.2014 г.)
20. Суханов Е.А. Система частного права // Вестник Московского государственного университета. Серия 11 (Право). – 1994. – № 4. – С. 13-20.

РАЗДЕЛ III. УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ, БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.98

Васильева О.Н.¹, Милованова М.М.²

¹Московский государственный областной университет

²Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМОГО БАНКРОТСТВА КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Сфера кредитования является ключевым звеном российской экономики и обеспечивает эффективное функционирование экономической деятельности в целом. Криминальные банкротства кредитных организаций являются составной частью преступлений в сфере экономической деятельности, обладают высокой общественной опасностью, причиняют большой материальный ущерб интересам физических, юридических лиц, государству. В данной статье рассматриваются обобщенные фактические данные о преднамеренном и фиктивном банкротстве кредитных организаций, основные структурные элементы их криминалистической характеристики: способ подготовки, совершения и сокрытия указанных деяний; личность типичного преступника; обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Ключевые слова: кредитная организация, фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство, криминалистическая характеристика, преступление.

O. Vasilyeva¹, M. Milovanova²

¹Moscow State Regional University

²Kutafin Moscow State Law University

SOME FORENSIC FEATURES OF CRIMINAL BANKRUPTCY OF CREDIT INSTITUTIONS

Abstract. The sphere of crediting is a key link of the Russian economy and provides effective functioning of economic activity as a whole. Criminal bankruptcies of credit organizations are a component of the crimes committed in the sphere of economic activity. They are highly dangerous for public and cause great material damage to the interests of individuals, legal entities and the state. This article considers the generalized factual data on deliberate and fictitious bankruptcy of credit organizations, the basic structural elements of their forensic characteristics,

such as ways of preparation, commission and concealment of the specified acts; the identity of a typical criminal; crime-provoking circumstances.

Key words: credit organization, fictitious bankruptcy, deliberate bankruptcy, forensic characteristic, crime.

Всем странам с рыночной экономикой хорошо известен институт банкротства являющийся, по сути, важным элементом в механизме правового регулирования рыночных отношений. Не является исключением в этом вопросе и Российская Федерация, на территории которой в соответствии с действующим законодательством, банкротом может стать организация, которая не способна удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. Следовательно, внешними признаками состояния предвидения банкротства может являться заявление юридического лица-должника, невозможность выполнения принятых на себя обязательств перед кредиторами, неуплата долгов контрагентам, неисполнение обязательств перед кредиторами, носящее массовый характер и т.д. В случае признания юридического лица несостоятельным (банкротом), его коммерческая деятельность прекращается. При этом имущество организации-банкрота подлежит реализации, а вырученные средства направляются для удовлетворения требований кредиторов.

С одной стороны реализация института банкротства преследует вполне обоснованную цель, связанную с исключением из гражданского оборота неплатежеспособных субъектов (в случае их ликвидации) либо, напро-

тив, с возможностью добросовестным субъектам предпринимательской деятельности пройти процедуру финансовой санации и вновь обрести экономическую стабильность. Тем не менее, не все субъекты предпринимательской деятельности являются добросовестными и законопослушными участниками экономического оборота, о чем свидетельствует анализ следственной и судебной практики криминальных банкротств (данные официальной статистики о количестве числа зарегистрированных преступлений приведены в табл. 1 и 2).

Действующее уголовное законодательство определяет преднамеренное банкротство как совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб (ст. 196 УК РФ). Под фиктивным банкротством, согласно ст. 197 УК РФ, в свою очередь понимается заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности, если это

Таблица 1

Преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Зарегистрировано преступлений в отчетном периоде	328	200	234	280	314	237	191	186	290	248	203
Преступления, уголовные дела о которых закончены расследованием либо разрешены в отчетном периоде	97	71	70	92	91	114	82	76	93	79	61
Осталось преступлений, уголовные дела по которым в отчетном периоде впервые приостановлены	59	66	81	91	129	114	64	53	90	125	90
Выявлено лиц	70	48	41	60	83	107	86	80	91	76	69

Таблица 2

Фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Зарегистрировано преступлений в отчетном периоде	8	7	9	6	9	7	6	4	9	4	2
Преступления, уголовные дела о которых закончены расследованием либо разрешены в отчетном периоде	3	1	3	3	1	1	0	1	3	3	1
Осталось преступлений, уголовные дела по которым в отчетном периоде впервые приостановлены	3	2	1	0	4	2	6	1	1	2	0
Выявлено лиц	2	0	0	0	0	1	0	0	3	0	1

деяние причинило крупный ущерб. В соответствии с примечанием к ст. 169 УК РФ (в ред. от 28.12.2013 г.) крупным ущербом признается ущерб, в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей¹.

Таким образом, преступления, предусмотренные статьями 196 и 197 УК РФ, совершаются вне рамок процедуры банкротства. Именно данные деяния следует отнести в разряд «криминальных банкротств». Особенно

опасны те из них, когда в криминальное банкротство вовлекаются кредитные организации с большим количеством вкладчиков, поскольку действия субъектов преступной деятельности, как правило, сопряжены с фальсификацией документации.

Следует отметить, что еще некоторое время назад, в процедуру банкротства были вовлечены, как правило, относительно небольшие банки. Однако после кризиса 2008 года банкротиться стали достаточно крупные кредитные организации (например, «Межпромбанк», «АМТ-банк», «Холдинг-кредит», «Витас» Банк, Банк «Пушкино»,

¹ Примечание введено Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ (действует в ред. федеральных законов от 30.10.2009 г. № 241-ФЗ, от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ, от 27.07.2010 г. № 224-ФЗ).

«Мастер-Банк», «Инвестбанк» и др.). Также можно утверждать что, несмотря на данные официальной статистики, криминальных банкротств, не стало меньше. Напротив, их схемы стали многообразными и более изощренными. К слову сказать, что к проблеме фальсификации банковских документов неоднократно пытались привлечь внимание регуляторов и Агентство по страхованию вкладов (АСВ)¹.

Согласно закону «О банках и банковской деятельности» (п. 1 ст. 1 ФЗ от 02.12.1990 г. № 395-1 в ред. от 30.09.2013 г.), под кредитной организацией понимается юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные этим Федеральным законом. Кредитные организации подлежат государственной регистрации в Центральном банке Российской Федерации. Они образуются как хозяйственные общества (в форме акционерного общества, общества с ограниченной или с дополнительной ответственностью) на основе частной, государственной или муниципальной формы собственности. При этом все кредитные организации подразделяются на банки, которые осуществляют весь спектр операций, и небанковские кредитные организации, которые имеют право на отдельные операции.

¹ В интервью «Российской газете» первый заместитель гендиректора АСВ Валерий Мирошников отметил, что 80% банкротств кредитных организаций в России – криминальные (более подробно см.: Кривошапко Ю. Банкирам готовят статью // Российская газета. – 2013. – 06 авг.)

Обобщенные фактические данные о расследуемых преступлениях, сопряженных с криминальным банкротством содержатся в их криминалистической характеристике, включающей систему связанных между собой элементов. Данная система обладает определенной целостностью и структурой. Следовательно, такую категорию как «криминалистическая характеристика» принято рассматривать как некую информационную основу, которая, во-первых, служит для построения частных криминалистических методик, а во-вторых, является научной базой для их разработки. Она дает возможность рассматривать детально, обобщать и группировывать информационные знания в наиболее оптимальную научно обоснованную систему.

Что касается элементного состава криминалистической характеристики конкретного вида преступления, то совокупность ее элементов носит сугубо индивидуальный характер и находится в зависимости от уголовно-правовых признаков конкретного противоправного деяния изложенных в уголовно-правовой норме, предусматривающей уголовную ответственность за уголовно-наказуемое деяние. Именно в норме законодателем сформулирован состав преступления, содержатся признаки противоправного деяния и определена его индивидуальность. В этой связи обоснованно заключить, что в любой частной криминалистической методике расследования преступления совокупность элементов криминалистической характеристики преступления должны быть теоретически обоснованы, подтверждены результатами исследования и как следствие обладать индивидуальностью.

Из всей совокупности элементов криминалистической характеристики наиболее информативным и значимым принято считать способ подготовки, совершения и сокрытия преступления. Именно такое понимание категории «способ преступления» в криминалистическом аспекте принято рассматривать в широком смысле этого слова. Следует отметить, что способ, а также средства совершения преступлений, связанных с несостоятельностью (банкротством) кредитных организаций закономерно определяют образование типичных следов, присущих данным деяниям.

Информацию о том, каким способом совершено криминальное банкротство кредитной организации, лица, осуществляющие выявление и расследование данных преступлений получают из источников, поступающих в правоохранительные органы посредством производства следственных и иных процессуальных действий. Как отмечает Н.И. Шумилов, в криминалистике информация (*лат. «information»* – разъяснение, изложение, сообщение, сведения) рассматривается как сведения о всех явлениях действительности в широком смысле, не ограничивая пределы изучения отдельными аспектами, а расширяя их до любых, имеющих значение подробностей [2, с. 23]. Под информацией о преступлениях, связанных криминальным банкротством кредитных организаций следует понимать сведения (изложения, сообщения), которые связаны с преступным событием. Такие сведения могут быть переданы в правоохранительные органы любыми лицами.

Данные сведения определяют последовательность проведения,

следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий проводимых на первоначальном этапе расследования преступления и могут быть получены из любых (как процессуальных, так и непроцессуальных) источников. К источникам типичной исходной информации о преднамеренном либо фиктивном банкротстве кредитной организации можно отнести¹:

– заключения, основанные на результатах проверок уполномоченными представителями Центрального Банка Российской Федерации;

– результаты анализа значений и динамики коэффициентов, характеризующих ликвидность и платежеспособность кредитной организации (банка), рассчитанных за исследуемый период в соответствии с правилами проведения арбитражными управляющими финансового анализа, утвержденными Правительством Российской Федерации;

– результаты проверки конкурсного управляющего, на основании которой составляется заключение о наличии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства;

¹ См.: инструкцию ЦБ РФ от 25.08.2003 г. № 105-И «О порядке проведения проверок кредитных организаций (их филиалов) уполномоченными представителями Центрального Банка Российской Федерации» (в ред. Указаний ЦБ РФ от 13.01.2005 г. № 1543-У, от 27.10.2006 г. № 1737-У) в «Вестнике Банка России» (2003, № 67; 2005, № 7); постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» в «Собрании законодательства РФ» (2003, № 26); постановление Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855 «Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» в «Собрании законодательства РФ» (2004, № 52, ч. 2).

– сведения, поступившие из Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России;

– материалы уголовных дел, находящихся в производстве следователей органов внутренних дел Российской Федерации;

– сообщения Федеральной налоговой службы (ФНС);

– материалы, поступившие из Агентства по страхованию вкладов (АСВ);

– аудиторские заключения.

Следовательно, в преддверии процесса расследования данных преступлений необходим, во-первых, тщательный анализ возможных причин и обстоятельств, которые привели к ухудшению финансового положения кредитной организации. Во-вторых, важное значение будет иметь правовая оценка тех банковских операций и других сделок, которые прямо или косвенно привели к материальному ущербу, как самой кредитной организации, так и ее кредиторам. В-третьих, необходима оценка всех действий и их последовательности, касающихся обращений по оспариванию в судебном порядке сделок кредитной организации.

Так, руководители банков, в том числе по отдельным поручениям учредителей могут действовать в нарушение интересов своих клиентов и самой кредитной организации, вплоть до нарушения банковского законодательства. Такие действия могут включать заведомо экономически невыгодные финансовые соглашения, в последующем приводящие к несостоятельности (банкротству) и абсолютной невозможности выполнения своих обязательств, как перед государством, так и

перед кредиторами.

Как подготовительные действия к преднамеренному или фиктивному банкротству кредитной организации можно расценивать сделки, заключенные кредитной организацией в ущерб ее имущественным интересам и финансовые операции, несоответствующие требованиям действующего законодательства, поскольку в своей основе такие действия носят преступный характер. Исходя из анализа материалов следственной и судебной практики, при фиктивном банкротстве к таким сделкам относятся: 1) приобретение кредитной организацией неликвидного имущества; 2) заключение договоров о переуступке прав требования с использованием схем, включающих замену ликвидных активов на безнадежно дебиторскую задолженность; 3) приобретение ценных бумаг у коммерческих организаций, регистрация которых оформлена по адресам массовой регистрации или несуществующим юридическим адресам, а также с сомнительной финансовой и бухгалтерской отчетностью и т. п.; 4) обмен высоколиквидных ценных бумаг находящихся в собственности и отраженных на балансе кредитной организации на менее ликвидные; 5) выборочное удовлетворение очередности требования «предпочтительных» кредиторов перед другими кредиторами; 6) заключение договоров цессии, повлекших предпочтительное удовлетворение требований отдельных кредиторов.

Вместе с тем, к подготовительным действиям субъектов преступной деятельности по совершению преднамеренного банкротства кредитной организации можно отнести:

1) фальсификация отчетности кредитной организации (бухгалтерской, финансовой, налоговой);

2) аккумуляция ликвидных активов кредитной организации за счет необеспеченных кредитов;

3) создание кредиторской задолженности за счет средств самой кредитной организации;

4) фальсификация бухгалтерской первичной документации, касающейся переоценки и амортизации основных фондов, с целью предоставления документов кредиторам;

5) фальсификация и предоставление отчета, содержащего недостоверные сведения об итогах инвентаризации и оценки имущества.

По справедливому мнению М.М. Миловановой [1], направленность данных действий нацелена на отсрочку уплаты долга кредитной организацией, уменьшение конкурсной массы имущества юридического лица и увеличению размера задолженности, что как следствие ухудшение финансового состояния кредитной организации с целью доведения ее до банкротства.

Данные о подготовке к совершению обозначенных преступлений со стороны субъектов преступной деятельности, также включают в себя и иной комплекс подготовительных действий в целях проведения задуманной финансовой операции. Безусловно, это тщательный анализ действующего законодательства, регулирующего финансово-кредитные отношения с целью выявления пробелов нормативного регулирования для возможности совершения планируемых противоправных действий. Такие законодательные пробелы позволяют легализовать либо

придать видимость легальности осуществляемым действиям. Кроме того, это проработка плана по составлению недостоверной бухгалтерской и финансовой отчетности, а также сбор необходимых для совершения преступных действий образцов документов (бланков), подписей; изготовление поддельных печатей, штампов и т. п. Во всех случаях, осуществление подготовительных действий влияет на способы совершения криминального банкротства. К способу непосредственного совершения исследуемых противоправных деяний относятся перечисленные ниже действия.

1) Сокрытие имущества кредитной организации и/или сведений о нем, в том числе о его размере данного имущества, о его местонахождении. Следует отметить, что в законе нет прямого указания возложения на несостоятельного должника, обязанности раскрывать информацию о своем имуществе и его местонахождении. Однако в силу ст. 50.19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» с очевидностью вытекает из обязанности «обеспечить передачу бухгалтерской и иной документации должника, печатей, штампов, материальных и иных ценностей конкурсному управляющему».

2) Сокрытие имущественных обязательств банка (сокрытие информации об обязательствах, документов удостоверяющих данный факт и т. п.). В связи с уменьшением конкурсной массы при сокрытии активных обязательств, в которых лицо выступает в качестве кредитора, вред может причиняться всем кредиторам. При сокрытии пассивных обязательств, в которых лицо выступает в качестве должника, вред

может причиняться тем кредиторам, информация о которых по делу о банкротстве кредитной организации не была раскрыта в ходе конкурсного производства и соответственно требования таких кредиторов не будут удовлетворены из-за неполучения ими уведомления об открывшемся производстве о несостоятельности (банкротстве) кредитной организации.

3) Передача имущества кредитной организации во владение других лиц (в иное владение), сопряженная с его перемещением за пределы ее территории (в том числе за границу) с целью сокрытия данного имущества или совершения любых действий, препятствующих осуществлению кредиторами их прав в отношении владения этим имуществом. Специфика такой передачи кроется в сокрытии местонахождения имущества и сложности его обратного истребования. Передача «в иное владение» может быть как фактическим действием, так и юридическим, которое по сути приобретает вид мнимой или притворной сделки.

4) Отчуждение имущества кредитной организации либо его уничтожение и т. д.

Частными случаями сокрытия имущества или обязательств имущественного характера при криминальном банкротстве могут быть действия по сокрытию, уничтожению либо фальсификации документов финансовой и бухгалтерской отчетности, а также и иных учетных документов кредитной организации, отражающих ее финансово-экономическую деятельность. В данном случае сложность представляет установление механизма преступления и причинения вреда, характерного для этого преступления. Сокрытие

преступлений, связанных с преднамеренным или фиктивным банкротством кредитных организаций будет включать в себя преступную деятельность субъекта, направленную на воспрепятствование расследованию уголовного дела, посредством утаивания или уничтожения следов преступления и преступника их маскировки или фальсификации.

Как свидетельствует анализ следственной и судебной практики, в большинстве случаев субъектами преступной деятельности предпринимались действия по отражению недостоверных сведений об оперативно-хозяйственной деятельности кредитной организации в бухгалтерской, финансовой и налоговой отчетности, а также действия по полному либо частичному уничтожению бухгалтерских и финансовых документов. Кроме того, имело место предоставление фальсифицированных документов, содержащих заведомо ложную информацию Центральному Банку РФ и Агентству по страхованию вкладов (АСВ) о финансовой деятельности кредитной организации. Кроме того, сами субъекты в целях сокрытия своей преступной деятельности и уклонения от ответственности выезжают за пределы территории Российской Федерации, скрываясь за рубежом. При истребовании объяснений и допросе, как правило, дают заведомо ложные показания.

Несмотря на важное значение способа совершения противоправного деяния, безусловно являющегося центральным элементом криминалистической характеристики преступления, нельзя не учитывать значимость для расследования и выдвижения версий остальных данных, входящих в эле-

ментный состав криминалистической характеристики и их тесную взаимосвязь. Так, корреляционные взаимосвязи способа совершения преднамеренного или фиктивного банкротства кредитных организаций прослеживаются и с субъектом преступной деятельности, и с типичными для данного преступления следами и местами их вероятной локализации.

На выбор способа совершения рассматриваемых преступлений накладывается «отпечаток» присущие субъекту преступной деятельности личностные характеристики. К таковым следует отнести должностное (служебное) положение лица, включающие возможность совершения определенных действий относительно исполняемых им прав и обязанностей, доступ к документации и материальным ценностям, уровень профессиональных знаний, умений и навыков субъекта, опыта работы в определенной сфере и т. д. Анализ следственной и судебной практики свидетельствует также о том, что данные преступления в большинстве случаев совершаются группой лиц, где просматривается тщательно спланированная и организованная деятельность соучастников.

Отмечая такой элемент криминалистической характеристики как типичные следы преступления и места их вероятной локализации, заметим, что при совершении преднамеренного или фиктивного банкротства они могут содержаться в различных документах, анализ которых позволит выявить наличие в них сведений и фактов заведомо ложного характера (интеллектуальный подлог), а также признаков материального подлога. Такие следы могут содержаться в доверенностях

на получение и распоряжение денежными средствами и товарно-материальными ценностями, бухгалтерском балансе и других формах отчетности, первичных документах (журналах, книгах учета и т. п.), локальных актах (кредитных договорах, технико-экономическом обосновании договоров и т. д.), операционных дневниках, кредитных делах заемщиков и т. п.

Другим не менее значимым элементом криминалистической характеристики преступления являются типичные данные о личности преступника. Следует отметить, что установление лица, виновного в совершении преступления, включая всестороннее изучение его личности, также является одной из важнейших задач уголовного судопроизводства. Криминалистическое значение установления и изучения личности преступника заключается в возможности выдвижения и проверки версий о розыске и причастности конкретного лица (лиц) к совершенному преступлению, а также установления всех соучастников преступного события. Обстоятельное изучение личности преступника также необходимо для выявления всех значимых для уголовного дела обстоятельств, определения последовательности и тактики производства следственных действий и иных процессуальных действий, что способствует качеству и эффективности расследования преступного банкротства кредитных организаций.

Анализ следственной и судебной практики расследования уголовных дел исследуемой категории (возбужденных по признакам преднамеренного банкротства ст. 196 УК РФ или фиктивного банкротства 197 УК РФ) позволяет констатировать факт, что данные де-

яния преимущественно совершаются лицами мужского пола. Возраст субъекта колеблется от 25 до 45 лет. Данные лица, как правило, состоят в брачно-семейных отношениях, имеют высшее (иногда и не одно) образование, высокий интеллектуальный уровень, обладают знаниями в области финансов и банковского дела, юриспруденции. В составе группы лиц в большинстве случаев субъекты преступной деятельности действуют по предварительному сговору. Основным мотивом движет корысть. Личностным свойствам субъекта присущи такие качества: страсть к наживе, стремление любыми способами к быстрому обогащению, жадность и самонадеянность. При расследовании данных преступлений во всех случаях обязательно выявлять связи преступника, лиц из круга его делового и дружеского общения, поскольку информация о его личной жизни может способствовать правильному выдвижению частных следственных версий и избрать верную очередность и тактику проведения следственных действий.

Что касается причин и условий, способствующих совершению преднамеренных и фиктивных банкротств кредитных организаций, то здесь можно предположить тесную взаимосвязь, а в отдельных случаях и совпадение внешних и внутренних факторов приводящих кредитную организацию к преднамеренному либо фиктивному банкротству.

В этой связи к внешним факторам можно отнести: изменение финансовых условий деятельности кредитной организации; отсутствие со стороны налоговых органов и Центрального Банка результативного контроля за корреспондентскими счетами кредит-

ной организации-банкрота; снижение деловой репутации кредитной организации, ведущей к утрате доверия вкладчиков; низкая эффективность деятельности правоохранительных органов по выявлению фактов уголовного банкротства кредитных организаций и слабое межведомственное взаимодействие.

Внутренними факторами могут служить: истощение финансового потенциала кредитной организации в связи с недостаточным уровнем ликвидности ее активов, в том числе связанная с практикой рискованных вложений значительной части ресурсов организации в кредиты, ценные бумаги, аккредитивы, гарантии; совершение кредитной организацией «сомнительных» сделок и операций, приводящих к оттоку финансовых средств, потере платежеспособности юридического лица и как следствие возникновению убытков; прогрессирующее возникновение долговых обязательств либо задолженности по обязательным платежам; реализация со стороны руководства курса, направленного на совершение финансовых операций и иных услуг «сомнительного» характера с точки зрения закона; неудовлетворительная организация работы кредитной организации, в том числе включающая слабый уровень внутреннего контроля; совершение кредитной организацией операций с денежными средствами или иным имуществом по легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, а также и финансированию терроризма; отзыв лицензии у кредитной организации на осуществление банковских операций, вызванный неоднократными нарушениями действующего законодательства, а так-

же предписаний Центрального Банка Российской Федерации; спекулятивная направленность кредитной политики организации и ее одобрение со стороны руководителей; действия мошеннического характера с имуществом и финансовыми средствами кредитной организации, организация незаконной выдачи займов и кредитов; фиктивный характер значительной части капитала кредитной организации; умышленное введение в заблуждение (обман) вкладчиков и кредиторов; конфликты интересов руководителей и владельцев кредитной организации, а также злоупотребления и преступная деятельность должностных лиц.

Резюмируя изложенное можно заключить, что большинство ученых-криминалистов до сих пор обнаруживают разный подход к определению понятия «криминалистическая характеристика преступлений», ее содержанию значению. При этом заслуживает поддержка позиции тех исследователей, которые небезосновательно рассматривают криминалистическую характеристику в числе одного из элементов структуры частной криминалистической методики. Следует также отметить, что в процессе реализации деятельности право-

охранительных органов по раскрытию и расследованию преднамеренного или фиктивного банкротства кредитных организаций, знание криминалистической характеристики дает лицам, осуществляющим расследование, возможность моделировать криминальные ситуации и сопутствующие им обстоятельства, позволяет осуществлять выдвижение версий о событии преступления, его отдельных обстоятельствах, видеть тактическую перспективу расследования, разрабатывать типовые программы (алгоритмы) производства следственных и иных процессуальных действий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Милованова М.М. Криминалистическая характеристика криминальных банкротств кредитных организаций // Проблемы и перспективы социально-экономического, правового реформирования и модернизации современного государства и общества: доклады междунар. научно-практич. конф. (г. Будапешт, 10–16 мая 2011 г.). – Тула: Левша, 2011. – С. 283–291.
2. Шумилов Н.И. Криминалистические аспекты информационной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – 169 с.

УДК 343.3/7

Гапеенок Д.Е.*Московский государственный областной университет***ФИНАНСОВАЯ ОСНОВА ОРГАНИЗОВАННЫХ
ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ**

Аннотация: Проблема борьбы с организованной преступностью – одна из важнейших проблем современного общества. Это связано, прежде всего, с масштабами ущерба, наносимого организованной преступной деятельностью, а также потенциальной угрозой скрывающейся в данном феномене. Лидеры организованных преступных формирований, проникая в различные сферы экономики, стремятся установить контроль над деятельностью прибыльных предприятий, используют их для сокрытия финансовых операций, создают в структуре производства легальные и нелегальные («теневые») фирмы с целью получения криминальных доходов. Эти тенденции свидетельствуют, как о глобальном характере рассматриваемого явления, так и необходимости разработки эффективных мер по сдерживанию этого процесса.

Ключевые слова: организованная преступность, «теневые» доходы, легализация доходов, источники финансирования, Росфинмониторинг.

D. Gapeenok*Moscow State Regional University***FINANCIAL BASIS OF THE ORGANIZED CRIME FORMATIONS**

Abstract. At present the organized crime prevention is one of the central problems of modern society. Firstly it is because of the damage caused by organized criminal activity, and secondly because of its potential threat. Penetrating into various spheres of economy the leaders of the organized criminal formations seek to establish control over the activity of profitable enterprises, use them for concealment of financial operations, create within the production structure legal and illegal (“shadow”) firms with the purpose of obtaining criminal income. These tendencies testify both to global character of the considered phenomenon and to the need of developing effective measures to deter this process.

Key words: organized crime, criminal organization, shadow incomes, legalization of incomes, financial sources, Rosfinmonitoring.

Современное состояние организованной преступности в России сложилось как результат воздействия комплекса экономических, социальных, политических, культурных, национально-этнических и иных причин, вызванных изменением жизни российского общества. Организованная

преступность достигла масштабов, придающих ей системообразующий характер. Доминирующей мотивацией организованной преступности является экономический интерес. Ее основная цель – криминальный бизнес с присущей ему конкуренцией, разграничением не только сфер деятельности, но и экономического (тер-

риториального) пространства [3, с. 9]. Организованная преступность становится социальным явлением лишь при условии обретения собственной экономической и финансовой основы, устойчиво формируемой за счет извлечения доходов, как в сфере криминальной экономики, так и в легальной предпринимательской деятельности.

Сложившиеся в стране социально-экономические условия способствуют активизации встречных негативных процессов – с одной стороны, внедрения преступных капиталов в легальную экономику, а с другой – ухода в «теневую» экономику легальных предпринимателей. В результате возникла широкая сеть криминально ориентированных хозяйствующих субъектов, в деятельности которых грань между легальным предпринимательством и преступной деятельностью в сфере экономики приобретает весьма условный характер. Наиболее активной формой проявления криминогенного потенциала, сосредоточенного в организованных преступных структурах, остановится экономика. Преступные проявления возрастают практически во всех отраслях и сферах экономической деятельности.

«Теневой» финансовый капитал является экономической основой (базисом) организованной преступности. Процессы взаимовлияния организованной преступности и теневой экономики выражаются в следующем:

а) полученные доходы от преступной деятельности организованных преступных формирований (наркобизнес, криминальный автобизнес, торговля людьми и оружием и пр.) вкладываются в различные «теневые» сферы экономики (используются в фи-

нансово-кредитной сфере, строительстве, нефтебизнесе и пр.);

б) денежные средства «теневой» экономики используются для финансирования организованных преступных формирований (закупаются оружие, специальные технические средства и пр.);

в) организованные преступные формирования используются для реализации экономических интересов (заказные убийства и пр.).

Финансовая основа организованных преступных формирований (далее – ОПФ) – источники поступления денежных средств и товарно-материальных ценностей в ОПФ либо его отдельным участникам, необходимых для осуществления преступной деятельности. Цель организованной преступности – получение значительных финансовых средств. Именно наличием финансовой базы и сильна организованная преступность.

Существенной чертой современной российской организованной преступности является ее интернациональный характер, выход за рамки национальных границ, интеграция в зарубежный преступный бизнес. В настоящее время прогнозируется дальнейшая интенсивная консолидация преступной среды, формирование новых разветвленных криминальных структур, в том числе межрегиональных и транснациональных. Их деятельность будет направлена на расширение контроля за наиболее доходными сферами легального и нелегального бизнеса, подготовку и совершение крупномасштабных посягательств на денежные средства и материальные ценности [2, с. 56].

Организованная преступная деятельность в сфере экономики обусловлена двумя группами факторов

субъективного и объективного характера. К первой группе относится стремление организованных преступных групп преодолеть сопротивление других групп и обеспечить защиту членам преступных формирований. То есть, в данном случае речь идет о силовом и материальном факторах, что побуждает членов преступных групп к объединению. К факторам объективного характера относятся: организационное или техническое единство хозяйственных, финансовых и иных экономических операций, в связи с чем соучастники должны одновременно выполнить ряд хозяйственных, а также криминальных операций.

К числу проблем правового плана, на наш взгляд, следует отнести отсутствие законодательного определения понятия «подрыв экономических основ организованных преступных структур». Представим эту ситуацию в условиях, когда государство пытается исключить вне процессуальные права органов внутренних дел, касающиеся проверок субъектов предпринимательской деятельности¹: мало кто может четко представить «границы» осуществления деятельности по подрыву экономических основ организованной преступности. Один из руководителей Группы международных финансовых действий (GAFI) Э. Янг, выступая на Конференции стран-членов Совета Европы по проблеме отмывания денег в странах с переходной экономикой (Страсбург, 29 ноября – 1 декабря 1994 г.), отметил основные негативные действия «отмывания» денег [4, с. 204]:

¹ См.: Указ Президента РФ от 15 мая 2008 г. № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности».

– у преступников создается ощущение безнаказанности, что делает преступление привлекательным занятием, а высокий уровень преступности, прежде всего организованной, подрывает устои общества и угрожает правовым нормам;

– преступные организации получают возможность финансировать свою дальнейшую деятельность;

– неконтролируемое использование преступными организациями отдельных финансовых учреждений в конечном итоге причиняет вред всей финансовой системе, особенно в странах с развивающейся экономикой;

– сосредоточение экономической и финансовой власти в руках преступных организаций в конечном счете может подорвать национальную экономику этих стран и демократические системы их власти и управления.

Как видно, опасность в данном случае специалистами связывается не столько с тем, что данный вид деятельности подрывает финансовые основы государства, а с тем, что он непосредственно связан с организованной преступностью. Меры противодействия финансированию ОПФ могут быть объединены в четыре группы: экономические меры противодействия; правовые меры противодействия; перекрытие каналов и источников финансирования; криминологическое предупреждение финансирования. Определяющими компонентами в системе экономических мер противодействия (1) могли бы стать экономические и правовые механизмы, обеспечивающие отслеживание движения и своевременное блокирование средств физических и юридических лиц, обоснованно подозреваемых в

причастности к финансированию организованной преступности, а также организация оперативно-розыскных мер, препятствующих обороту и сращиванию с легальным бизнесом финансовых средств, принадлежащих коммерческим структурам, имеющим на российском или зарубежном рынках, сомнительную репутацию. При проверке такой информации параллельно с другими должна отрабатывается версия о возможной причастности к коммерческим сделкам криминально активных лиц, поддерживающих связи с преступными сообществами (преступными организациями), поскольку не исключена возможность легализации и отмыwania доходов, полученных преступным путем, под прикрытием таких структур.

Основная цель правовых мер (2) – это выявление и пресечение каналов и источников финансирования организации преступного сообщества (преступной организации), включает блокирование финансовых ресурсов, принадлежащих лицам, причастным к ОПФ, правовыми средствами. Каналы поступления средств должны быть максимально перекрыты. Для этого работники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, руководствуясь требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», разрабатывают и проводят комплекс оперативно-розыскных и иных мероприятий в отношении лиц, прямо или косвенно причастных к деятельности коммерческих структур, причастных к финансированию организованной преступности. Другой вид мер включает приостановление деятельности и отзыв лицензии коммерческих, фи-

нансово-кредитных организаций, фондов и других структур, прямо или косвенно оказывающих финансовое содействие организованной преступности.

В рамках Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» необходимо направить все усилия на организацию и проведение оперативно-профилактических и иных мероприятий, которые предполагают координацию усилий правоохранительных органов по своевременному выявлению коммерческих и иных структур, попавших в сферу влияния организованных преступных структур. Последние вполне могут прикрываться легальным бизнесом и регулярно получать финансовую помощь. Также необходимо создание единого банка данных о лицах, фактах, обстоятельствах и иных объектах, заслуживающих внимания в борьбе с организованной преступностью. Наличие массива информации позволит принять адекватные складывающейся оперативной ситуации меры, будет способствовать нейтрализации преступных намерений членов преступных сообществ (преступных организаций), а также налаживанию тесного информационного взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов. Наконец, требуется вести разработку и внедрение механизма обмена информацией между заинтересованными ведомствами в отношении юридических и физических лиц, подозреваемых в финансировании организованной преступности. Необходимо достигнуть договоренности об обязательности проверки данной информации и о порядке предоставления их результатов. При исполнении запро-

сов с возможным привлечением к проверке правоохранительных органов зарубежных государств в отношении юридических и физических лиц, подозреваемых в финансировании организованной преступности, а также фактах легализации денежных средств, полученных преступным путем, предусмотреть межведомственное проведение конкретных мероприятий.

Основными направлениями совершенствования деятельности правоохранительных органов по предупреждению создания ОПФ посредством перекрытия каналов и источников их финансирования (3), как нам представляется, могут быть:

– совершенствование сотрудничества и обмена опытом оперативных подразделений России с правоохранительными органами государств мирового сообщества в борьбе с организованной преступностью и терроризмом;

– ежегодная организация и обобщение опыта проведения совместных согласованных профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций компетентными органами государств мирового сообщества;

– в соответствии с нормами федерального законодательства, Европейской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности разработать единое положение, позволяющее в рамках правового поля эффективно использовать партнерские связи в этой области;

– разработка и внедрение на основе обобщения и тщательного анализа практики методических рекомендаций по оперативно-розыскному отслежи-

ванию финансовых потоков, направляемых на содержание преступных сообществ (преступных организаций), их выявлению и блокированию.

Составной частью противодействия финансированию ОПФ является криминологическое предупреждение (4), которое, в свою очередь, предполагает [1, с.189] отслеживание денежных потоков путем своевременного выявления каналов и источников финансирования. В данном случае правоохранительные органы сталкиваются с большими трудностями, обусловленными наличием множества каналов и источников. В юридической литературе к основным источникам финансирования, в частности, относят: преступную деятельность вообще; предпринимательство; деятельность гуманитарных и благотворительных организаций; пожертвования частных лиц и организаций, в том числе религиозных. Разумеется, это не исчерпывающий перечень источников. Кроме того, предполагается создание соответствующей системы, обеспечивающей прозрачность доходов, их движение, возможность оперативной проверки источников формирования капитала, исключающей направление средств на финансирование преступных организаций. Представляется, что по мере возможности при ее разработке следует обеспечить сохранение коммерческой и банковской тайн.

Указанные мероприятия включают постоянное совершенствование действующей системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. В настоящее время такая система уже существует. В ней условно выделяют две подсистемы: а) оказание противодействия легали-

зации доходов, полученных преступным путем; б) предотвращение фактов финансирования преступных сообществ (преступных организаций). Для того чтобы все это реально привести в действие, специально создан орган – Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг)¹. Последний контролирует операции с денежными средствами или иным имуществом, если сумма, на которую она совершается, равна или превышает 600 тыс. рублей либо равна сумме в иностранной валюте, эквивалентной 600 тыс. рублей, или превышает ее². Руководство деятельностью Федеральной службы по финансовому мониторингу осуществляет Правительство Российской Федерации³. В настоящее время обязательному контролю в соответствии с действующим законодательством подлежат четыре вида операций: 1) операции с денежными средствами в наличной форме; 2) операции с ценными бумагами; 3) операции по банковским счетам (вкладам); 4) иные сделки с движимым имуществом.

Международное сотрудничество в борьбе с преступными сообществами и их финансированием служит одним из основных условий эффективного

осуществления противодействия финансированию ОПФ. В июле 2002 г. Россия ратифицировала Международную конвенцию по борьбе с финансированием терроризма⁴. В настоящее время особо актуальным остается вопрос о выработке практических мер по созданию эффективной системы контроля за финансовыми потоками экстремистов и террористов. Эти меры должны разрабатываться как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арестов А.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с организованной преступностью: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 208 с.
2. Куницына А.В. Тактика выявления организаторов преступных групп: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – 224 с.
3. Нафиков И.С. Теневая экономика как материальная основа организованной преступности в условиях крупного города (вопросы теории и практики): автореф. дис... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 26 с.
4. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М.: Инфра-М, 1996. – 198 с.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

² Ч. 1 ст. 6 Федерального закона РФ от 30 октября 2002 г. № 131-ФЗ.

³ Указ Президента Российской Федерации от 24 сентября 2007 г. № 1274 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти».

⁴ Федеральный закон РФ от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ.

УДК: 343:611

Третьяков К.В.*Самарский государственный экономический университет
(Сызранский филиал)***УБИЙСТВО, СОПРЯЖЕННОЕ С СОВЕРШЕНИЕМ
ДРУГОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЕДИНИЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ИЛИ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ?**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы квалификации убийств. Особое внимание уделяется вопросу множественности при правовой оценке убийств, сопряженных с совершением иного преступления. Острота вопроса обусловлена имеющимися расхождениями между нормами уголовного законодательства и сложившейся судебной практикой. Сложившаяся в настоящее время ситуация не позволяет квалифицировать подобные преступления в строгом соответствии с законом, поскольку действующая редакция части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации составлена с юридическими дефектами, которые позволяют двояко толковать ее содержание. Основной задачей проведенного исследования является поиск путей решений этой проблемы. *Ключевые слова:* множественность преступлений, убийство, разбой, вымогательство, бандитизм, похищение человека, изнасилование, квалификация преступлений.

K. Tretyakov*Syzran Branch of Samara State University of Economics***MURDER COMBINED WITH ANOTHER CRIME:
IS IT SINGLE OR PLURAL?**

Abstract. The article considers some issues of qualification of murders. Special attention is paid to the issues of multiplicity at legal assessment of murders involving the commission of other crimes. The severity of the issue is due to the existing differences between the norms of criminal legislation and the existing court practice. The present situation does not allow to qualify such crimes in strict accordance with the law, because the current version of part two of Article 105 of the Criminal Code is compiled with legal defects permitting two ways of interpreting its contents. The main task of the conducted research is the quest for a solution to this problem. *Key words:* plurality of crimes, murder, robbery, extortion, robbery, gangsterism, kidnapping, rape, qualification of crimes.

Убийство является одним из тяжелейших преступлений, известных уголовному праву. Жизнь человека является невосполнимой и поэтому даже самое строгое наказание виновного не может в достаточной мере загладить

© Третьяков К.В., 2014.

причиненный вред. Особенно это касается квалифицированных убийств – т. е. преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105 Уголовного кодекса РФ¹ (УК РФ). Поэтому особое

¹ Здесь и далее – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

значение приобретает соблюдение всех возможностей законодательства для максимальной защиты прав лиц, потерпевших от подобных преступлений. Вместе с этим, все действия правоприменителя должны производиться в строгом соответствии с законом, поскольку Российская Федерация является правовым государством и верховенство прав и свобод является конституционной гарантией от незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Тематика статьи касается анализа спорных вопросов квалификации убийств, предусмотренных частью второй статьи 105 УК РФ с позиции норм уголовного закона, судебной практики и теории уголовного права. Согласно Общей части УК РФ, совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание (ч. 1 ст. 17). В аспекте рассматриваемой тематики нас интересует именно исключение из этого правила – случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Сопоставляя это определение с содержанием части второй статьи 105 УК РФ можно обнаружить подобные исключения: п. «в» – убийство, сопряженное с похищением человека, п. «з» – убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, п. «к» – убийство сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

При буквальном толковании вышеуказанных норм Кодекса вопрос правовой оценки содеянного по логике вещей должен решаться в пользу квалификации данного деяния лишь по соответствующему пункту части второй ст. 105 УК при отсутствии совокупности с преступлениями, указанными в качестве квалифицирующего признака (условно обозначим их – «дополнительные» составы), т. е. разбой, вымогательство, бандитизм, изнасилование, насильственные действия сексуального характера. Данное обстоятельство подтверждается и тем фактом, что законодателем было установлено значительно более строгое наказание за подобные посягательства, по сравнению с «простым» убийством, т. е. преступлением, предусмотренным частью первой статьи 105 УК. Вместе с тем, судебная практика идет по иному пути. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», при квалификации действий виновного по любому из п.п. «в», «з», «к» части второй ст. 105 УК РФ, содеянное должно квалифицироваться по совокупности с соответствующими статьями Особенной части Кодекса – 126, 162, 163, 209, 131, 132 УК.

Поскольку налицо рассогласование уголовного закона и судебной практики, предлагаем дать оценку сложившейся ситуации с позиции теории уголовного права. Основной вопрос заключается в том, с чем мы имеем дело – с единичным преступлением или с их совокупностью. Если совокупность преступлений является законодательно закрепленной дефиницией (определение, содержащееся

в ст. 17 УК РФ, мы указывали выше), то единичное преступление является сугубо теоретической категорией. Так, академик В.Н. Кудрявцев, определяет его как «такое сочетание актов поведения, которое обладает известной распространенностью либо представляет повышенную общественную опасность именно в данной форме» [2, с. 127–128]. При этом В.Н. Кудрявцев, как и многие другие ученые, указывает, что основным признаком совокупности преступлений является наличие в действиях виновного нескольких составов преступлений [2, с. 58]. В свою очередь, как следует из ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Кодексом.

Таким образом, основанием для уголовной ответственности за рассматриваемые виды квалифицированного убийства является совершение виновным лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного соответствующим пунктом части второй ст. 105 УК РФ. Состав преступления, предусмотренного в качестве квалифицирующего обстоятельства (ст.ст. 126, 162, 163, 209, 131, 132) включен в объективную сторону части второй ст. 105 УК, следовательно он является частью этого состава преступления, без него не будет и состава квалифицированного убийства.

С другой стороны возникает вопрос, что именно обозначает формулировка «убийство, сопряженное с...». Термин «сопряженное» не является юридически зафиксированным, он не имеет определения в уголовном законе и его содержание может быть раскрыто только через субъективное тол-

кование. По этой причине, его можно толковать, и как обстоятельство, указывающее на включение дополнительного признака в состав убийства и как синоним слова «совокупность». Если рассматривать его в первом аспекте, то, как мы уже говорили выше, в этом случае часть вторая ст. 105 УК полностью охватывает действия виновного лица и дополнительной квалификации по иным статьям Кодекса не требует. Если же рассматривать слово «сопряженное», как синоним термина «совокупность» (как поступил Верховный Суд РФ), то тогда не совсем ясна правовая природа данного состава преступления. Что это? Если единичное составное преступление, то тогда о какой совокупности может идти речь? Если это множественность преступлений, то почему она содержится в одном составе преступления?

Разрешение данной дилеммы имеет кроме теоретического, еще и практическое значение. С этой точки зрения важное значение имеет соблюдение одного из основных принципов уголовного права «Non bis in idem» – никто не может быть дважды наказан за одно и то же. Квалификация по совокупности преступлений влечет излишнее вменение, поскольку виновному уже назначено наказание за это преступление в составе убийства. С другой стороны, если термин «сопряжение» имеет такое же значение, как и «совокупность», то не вменение дополнительного состава преступления влечет нарушение прав потерпевших и незаконное освобождение виновных лиц от уголовной ответственности за содеянное.

Наше безусловное убеждение, что лица, совершающие подобные преступления, подлежат самому суровому

наказанию. Но любое наказание должно быть назначено в строгом соответствии с законом. Позиция Верховного Суда РФ отражает практические реалии, но она расходится с положениями уголовного законодательства, поскольку не может быть совокупности преступлений там, где ее нет в силу прямого указания на то в законе. Нам видится несколько различных вариантов решения этой проблемы. Проведенный анализ показал, что ее первопричиной являются юридические дефекты отдельных норм УК РФ и, соответственно, решение кроется в корректировке непосредственно уголовного закона.

Первый путь – самый простой, но не совсем полно решающий поставленную задачу. Он заключается в замене неофициального термина «сопряженное» на термин «в совокупности». По крайней мере, исчезнет повод для споров, касающихся диспозиции рассматриваемой статьи и нормы УК будут согласованы с позицией судебных органов, которые с 1999 г. выносят приговоры на основании вышеуказанного постановления ВС РФ. Здесь возникает теоретический аспект, касающийся того, к какому виду будет относиться данное преступление. К единичному составному преступлению его отнести нельзя, поскольку речь идет о множественности. К известным видам совокупности оно тоже относится с натяжкой, поскольку оба преступления – основное и дополнительное, содержатся в одном составе. Получается своего рода учтенная в законе совокупность преступлений. При этом, в отличие от составных преступлений, квалификация будет производиться по совокупности преступлений (как, в

принципе и происходит сейчас с учетом вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ по делам об убийстве), причем наличие одного из них будет обязательным условием для наличия второго состава преступления.

Кроме того, если, в качестве примера, проанализировать сочетание одной из «дополнительных» статей – ст. 163 УК и части второй ст. 105 УК РФ, то можно заметить следующее. В п. «в» части второй ст. 163 УК РФ указан квалифицирующий признак – «с применением насилия», а в п. «в» части третьей – «с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего». Сложившаяся градация телесных повреждений предусматривает их деление на четыре категории: 1) повреждения, повлекшие причинение вреда здоровью; 2) повреждения, повлекшие легкий вред здоровью; 3) повреждения, повлекшие средней тяжести вред здоровью; 4) повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью¹. По мнению ученых, с которыми мы согласны, совокупность преступлений отсутствует, а имеет место единое преступление, в случае, когда вред причинен аналогичным объектам либо объектам, которые находятся между собой в отношении подчинения или один объект является частью другого, (например, жизнь и здоровье) [2, с. 248–249]. Исходя из данного утверждения и в соответствии со сложившейся судебной практикой, в случае причинения потерпевшему нескольких повреждений различной

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (с изменениями и дополнениями).

степени тяжести, одно из которых стало смертельным, при наличии умысла на убийство, виновное лицо подлежит ответственности только за убийство, а причинение более легких телесных повреждений отдельной квалификации не требуют, поскольку они являлись частью действий, направленных на причинение смерти потерпевшему.

В рассматриваемом же выше случае, при квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных частью второй ст. 105 УК РФ и соответствующим пунктом и частью ст. 163 УК РФ, возникает противоречие с данными теоретическими и практическими подходами – ведь применение насилия или причинение тяжкого телесного повреждения является частью совершенного убийства, соответственно, квалификация по данным пунктам будет неверной с точки зрения теории уголовного права и будет расходиться со сложившейся судебной практикой при квалификации «простых» убийств. Отдельная квалификация телесных повреждений в данном случае повлечет излишнее вменение. В свою очередь, если давать уголовно-правовую оценку действиям виновного по ст. 163 УК РФ без выше обозначенных квалифицирующих признаков насилия различной степени тяжести то объективная сторона его деяния будет описана неполно, поскольку в ней не будут учтены признаки, отражающие повышенную опасность совершенного преступления и влекущие значительно более строгое наказание, что также является неверным с позиции целей, задач и принципов уголовного законодательства и влечет нарушение прав лиц, пострадавших от преступления.

Кто-то из скептиков может возра-

зить, что достаточно просто исключить квалифицирующие признаки и оценивать содеянное по совокупности преступлений – ч. 1 ст. 105 и соответствующей части статей, которые в настоящее время выступают «дополнительными» составами. Однако, данный подход является несостоятельным, поскольку законодателем не случайно особо выделены подобные сочетания уголовно-наказуемых деяний – именно в такой комбинации их общественная опасность не просто складывается, она многократно увеличивается. Этот симбиоз гораздо более опасен в представленном сочетании, нежели простая совокупность преступлений. Так, согласно позиции Верховного Суда РФ, статья 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем в этих случаях следует руководствоваться положениями ст. 17 УК РФ, согласно которым при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ¹. Однако, что касается убийств, совершенных в составе банды, законодателем установлена значительно более высокая уголовная ответственность, в силу особой опасности подобного деяния, что по нашему мнению вполне обоснованно.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами уголовной ответственности за бандитизм».

Следующий предлагаемый путь решения обозначенной проблемы заключается в дополнении соответствующих преступлений – статьи 126, 131, 132, 162, 163, 209 УК РФ квалифицирующим признаком «совершенное с умышленным причинением смерти человеку» с одновременным исключением ссылок на данные преступления из части второй статьи 105 УК РФ. В действительности это предложение не является новым в отечественном уголовном праве. Ранее, п. «в» части второй ст. 105 УК РФ содержал в себе помимо квалифицирующего признака «сопряженное с похищением человека», признак «сопряженное с захватом заложника». Однако в 2008 году законодатель исключил этот признак из ст. 105 УК РФ и дополнил ст. 206 УК РФ – «Захват заложника» частью четвертой, предусматривающей ответственность за захват заложника, если это деяние повлекло умышленное причинение смерти человеку, с установлением еще более строгого наказания – от 15 лет до пожизненного лишения свободы¹.

Подобный подход вполне логичен – отпала необходимость «натягивать» совокупность преступлений, поскольку в настоящее время с учетом изменений все содеянное в полной мере охватывается одним составом. Санкция этой статьи вполне соответствует размеру наказания, которое назначалось ранее по совокупности преступлений. Поскольку максимальный размер – пожизненное лишение свободы выше

поднимать уже некуда, то законодатель дифференцировал наказание путем увеличением его нижнего предела – с 8 лет (ч. 2 ст. 105) до 15 лет (ч. 4 ст. 206). При этом представленная конструкция статьи вполне согласуется и положениями Общей части УК РФ и с теорией уголовного права – получается единичное составное преступление с несколькими объектами, которое будет иметь санкцию, соответствующую тяжести совершенного деяния.

Следует отметить, что, к примеру, составы преступлений на сексуальной почве явно нуждаются в согласовании санкций с частью второй статьи 105 УК РФ. Так, части четвертые статей 131 и 132 УК РФ предусматривающие ответственность за совершение указанных преступлений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшей (потерпевшего) предусматривают наказание от 12 до 20 лет лишения свободы. Часть вторая статьи 105 УК РФ, устанавливающая ответственность за умышленное убийство при подобных обстоятельствах, предусматривает более мягкое наказание – от 8 лет лишения свободы. Иными словами, в данном случае умышленное убийство наказывается менее строго, чем причинение смерти по неосторожности при тех же обстоятельствах, что очевидно не соотносится между собой и нуждается в корректировке.

Еще одним направлением, следуя которому можно устранить описанные противоречия, является отказ от логической конструкции типа «преступление, сопряженное с совершением другого преступления». Взамен этого предлагается переход на описание характеристик непосредственно уголовно-наказуемого деяния, которые

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму».

существенно увеличивают его общественную опасность. В качестве таковых могут выступать указания на элементы объективной и субъективной стороны преступления – способ, мотив, цель и т. д. Эти признаки и помогут на законных основаниях сочетать между собой убийство и дополнительные составы преступлений. Подобная точка зрения высказывалась профессором Б.В. Волженкиным [1, с. 2–7], и на наш взгляд, она вполне заслуживает внимания. Так, п. «в» части второй ст. 105 УК РФ можно переформулировать, как «с целью похищения человека», в п. «к» – «из корыстных побуждений либо в составе банды», в п. «к» – указать «на сексуальной почве». Такой подход позволил бы вполне обоснованно квалифицировать содеянное по совокупности преступлений в полном соответствии с законом, сложившейся судебной практикой и наукой уголовного права.

Все вышеизложенные предложения не выступают в качестве единственно возможных вариантов решения описанных задач. Они могут использоваться, как каждое в отдельности, так и в различном сочетании между собой. Кроме того, мы допускаем возможность формулирования и иных путей решения. Однако основной вывод, который можно сделать по результатам проведенной работы, заключается в том, что без внесения изменений в Уголовный кодекс РФ, правильная квалификация умышленных убийств, совершенных при вышеописанных отягчающих обстоятельствах, невозможна.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. – 1998. – № 12. – С. 2–7.
2. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2006. – 304 с.

РАЗДЕЛ IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 342

Новицкий С.С.¹, Панина С.А.², Хантуев А.А.²

¹Федеральная служба исполнения наказаний (г. Москва)

²Московский государственный университет приборостроения и информатики

СОБЛЮДЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЦ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ И ОСУЖДЕННЫХ, НА УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ И РЕФЕРЕНДУМАХ

Аннотация. Российская Конституция предусматривает необходимость детализации нормами федеральных законов ряда базовых положений в сфере непосредственного народовластия. Данные законы, наряду с соответствующими конституционными нормами, создали основу для относительной автономизации в системе права и законодательства норм объективного избирательного права, регулирующих общественные отношения, связанные с реализацией прав граждан избирать и быть избранными и на участие в референдуме. Анализируя российское, международное законодательство и судебную практику, авторы рассматривают особенности реализации избирательных прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Приводятся статистические данные о проведении избирательной кампании в следственных изоляторах с 2011 по 2013 гг., а также высказываются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: избирательные права, заключенные под стражу, Европейский суд по правам человека.

S. Novitskiy¹, S. Panina², A. Khantuev²

¹Federal Penitentiary Service

²Moscow State University of Instrument Engineering and Informatics

PROVIDING CONSTITUTIONAL RIGHTS TO PARTICIPATION IN ELECTIONS AND REFERENDUMS FOR PERSONS IN CUSTODY OR CONVICTED

Abstract. Securing a number of basic provisions in the field of direct democracy, the Constitution provides for the need of detailing the standards of federal laws. These laws, along with the relevant provisions of the Constitution created the basis for the relative autonomy of the system of

© Новицкий С.С., Панина С.А., Хантуев А.А., 2014.

law and legislation norms of objective suffrage regulating public relations related to the realization of citizens rights to vote and to be elected and to participate in the referendum. Analyzing Russian law, international law and jurisprudence, the authors examine particular realization of electoral rights of suspects, accused and convicted. The article presents statistics on the election campaign in detention centers for the period from 2011 to 2013, and makes suggestions of improving the existing legislation.

Key words: voting rights, persons in custody, the European Court of Human Rights.

В соответствии с требованиями международных правовых актов глава 2 Конституции Российской Федерации устанавливает полноценный и соответствующий принципам демократического правового государства набор прав и свобод человека и гражданина, включая естественные личные права, а также политические, экономические и социальные. Поскольку в основе правового статуса лица, заключенного под стражу, то есть специального правового статуса, лежит общий правовой статус человека и гражданина, все положения указанной выше главы Конституции в равной степени относятся и к ним. Исключения составляют лишь те права и свободы, которые вынужденно ограничиваются законом для обеспечения прав и свобод других лиц, а также для обеспечения интересов государства и общества в целом.

Говоря о реализации избирательных прав граждан, необходимо отметить, что положения ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации устанавливают специальные конституционные ограничения избирательных прав граждан, которые распространяются только на лиц, признанных судом недееспособными, а также содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда. Указанная статья Конституции не предусматривает возможности лишения избирательных прав иных категорий граждан в соответствии с за-

коном. Поэтому, как представляется, федеральными законами недопустимо ограничивать избирательные права иных категорий граждан России.

Однако соответствующие дополнительные ограничения пассивного избирательного права установлены, в частности, Законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Согласно положениям п. 3.2 ст. 4 этого Закона, установлен перечень лиц, которые не могут пользоваться пассивным избирательным правом на выборах всех уровней (не имеют права быть избранными). В том числе к ним относятся осужденные когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации¹, опирающейся в том числе на нормы международно-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

го права (ст. 21 Всеобщей декларации прав человека; ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах) и прецедентную практику ЕСПЧ, Конституционный Суд Российской Федерации установил, что Конституция, как и общепризнанные принципы и нормы международного права, допускает введение законодательных ограничений избирательных прав, в том числе в виде исключений из принципа всеобщности избирательного права.

В случае совершения гражданами преступлений экстремистской направленности, ограничение их права быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления обоснованно для защиты основ конституционного строя, здоровья, прав и свобод, безопасности государства. Но среди оснований лишения пассивного избирательного права выделяется одно, которое является дискриминационным и противоречащим Конституции России судимость. Безусловно, лица, совершившие тяжкие и (или) особо тяжкие преступления и находящиеся в местах лишения свободы, не имеют ни активного, ни пассивного избирательного права в соответствии с ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. Однако конституционность продления ограничения пассивного избирательного права после отбытия наказания вызывает сомнение. Конституция РФ в части ограничения прав и свобод личности такого основания не предусматривает, но действующие федеральные законы его содержат. При этом, условие о неснятой и непогашенной судимости существенно увеличивает срок, на который граждане лишаются пассивного избирательного

права, что нарушает не только ст. 32 Конституции Российской Федерации, но и конституционный принцип равенства, предусмотренный ст. 19.

При этом, вызывает сомнение является ли общественная опасность лиц, совершивших такие преступления как против собственности (ст. 164 Уголовного кодекса РФ), в сфере экономической деятельности (ст. 172, ст. 185.3 Уголовного кодекса РФ), относящиеся к тяжким, настолько высокой, чтобы ограничивать их пассивное избирательное право на максимальный срок до 23 лет при этом без принятия судом отдельного решения. Учитывая изложенное, можно сделать вывод о наличии коллизии норм ч. 3 ст. 32 Конституции российской Федерации и ст. 4 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Таким образом, Конституция Российской Федерации не всегда оказывает должное влияние на правовую систему, нарушаются системные связи в виде необходимого соответствия ей федеральных законов, что приводит к «разрыву» между конституционными правами и свободами личности и их необоснованному ограничению нормами федеральных законов. В конституционном праве России наблюдается тенденция регулятивно-карательного воздействия федеральных законов, ограничивающих права и свободы личности. Ограничение может осуществляться произвольно, не в связи с угрозой защищаемым конституционным ценностям.

Говоря об избирательных правах лиц, содержащихся в учреждениях УИС, необходимо отметить, что уголовным законодательством опреде-

лено, что гражданин, совершивший преступление (согласно ст. 14 УК РФ, виновным совершено общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания), должен быть наказан, то есть осужден и приговорен к определенному – соответствующему степени и характеру совершенного преступления – наказанию, в частности, к определенному сроку лишения свободы. Как представляется, законодатель весьма обоснованно лишил лиц, осужденных к лишению свободы, конституционного права избирать и быть избранными. Ведь при доказанности факта совершения лицом преступления очевидно, что данное лицо (преступник) пошло против установленных законом норм (правил общежития), нарушило их, причинив, например, вред государственным интересам или здоровью отдельного лица, а значит – своими действиями показало безразличие к закону страны, к проживающим в стране гражданам. Вследствие этого вполне адекватны применяемые (наряду с лишением свободы за совершение определенного преступления) к нему государством меры: он лишается одного из конституционных прав, которым был наделен ранее, до осуждения за преступление [2].

В то же время в соответствии с решением Европейского Суда по правам человека, вынесенного по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», суд указал, что данные ограничения являются нарушением Конвенции о защите прав и основных свобод¹. Прямо сославшись на Поста-

¹ European Court of Human Rights (Strasbourg): Judgment (4 July 2013), Case of Anchugov and Gladkov v. Russia (applications nos. 11157/04

novление Большой Палаты ЕСПЧ от 6 октября 2005 года по схожему делу «Херст против Соединенного Королевства (№ 2)»², которым было признано нарушение права на свободные выборы, Страсбургский Суд признал, что положения ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, согласно которым граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать органы государственной власти, нарушает ст. 3 Протокола № 1 к Европейской Конвенции, гарантирующую право на свободные выборы. Следует обратить внимание на то, что в Европейской конвенции о праве заключенных на голосование напрямую ничего не сказано. Это означает, что суд мог дать только толкование правовым нормам, а это уже открывает возможность для манипуляций. При этом, суд упомянул лишь, что каждая страна должна самостоятельно определить предельные границы ограничения права заключенных голосовать, однако при этом не дал четкого определения, какие именно границы, по его мнению, соответствуют демократическим ценностям и законным целям.

В соответствии с правилом 24.11 Европейских пенитенциарных правил, администрация пенитенциарного учреждения должна обеспечить участие заключенных в выборах, референдумах и других аспектах жизни

and 15162/05). Изложение документа приведено в русском издании «Бюллетеня Европейского Суда по правам человека» (№ 8 за 2013 г.)

² European Court of Human Rights (Strasbourg): Judgment (6 Oct. 2005), Case of Hirst v. The United Kingdom, № 2 (application nos. 74025/01). Неофициальный русский перевод опубликован на сайте «Европейский суд по правам человека» (<http://echr.jimdo.com>) в разделе прецедентной практики.

общества. При этом данные права заключенных могут быть ограничены федеральным законом. Однако правилами также не установлено, до какой степени национальное законодательство может ограничивать избирательные права граждан. Лорд Хоффман, один из крупнейших юридических мыслителей, сказал по схожему поводу: «Дьявол кроется в деталях, а детальная практика ЕСПЧ выявляет все расширяющуюся тенденцию к «ручному управлению» национальными правовыми системами таким образом, что понятие прав человека теперь стало синонимом «нелепых решений судов и должностных лиц». Он же отметил, что «на практике Суд абсолютно недостаточно применяет доктрину свободы усмотрения. Он не смог справиться с искушением расширить свою юрисдикцию и установить единые нормы для стран-участниц» [3; 4].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации правом избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме обладают все участники уголовного процесса, включая подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. Предоставление лицам, заключенным под стражу, возможности реализовать свои избирательные права означает, что государство не лишает их политико-правовой правоспособности. При этом надо подчеркнуть, что эти лица вправе не только избирать, но и быть избранными. Анализируя прошедшие выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва, выборы Президента Российской Феде-

рации, а также результаты проведенного в 2013 г. единого дня голосования, можно отметить, что явка указанной категории избирателей очень высока. При этом, организации и проведению выборов в местах заключения под стражу уделяется большое внимание наблюдателями от политических партий, данные мероприятия широко освещаются в средствах массовой информации.

В соответствии с Федеральным законом от 18.05.2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора, 4 декабря 2011 г. были проведены выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва. На день выборов в указанных учреждениях УИС содержалось 71 517 лиц, обладающих избирательным правом, которые были включены в списки избирателей. Голосование происходило на 279 избирательных участках, из которых 139 были созданы непосредственно в следственных изоляторах. Всего проголосовало 71 314 человек, что составляет 99,7% от общего количества лиц, внесенных в списки избирателей. Во время голосования на избирательных участках в учреждениях УИС присутствовало 350 наблюдателей, в том числе девять международных наблюдателей (2 – от Парламентской ассамблеи Совета Европы, 7 – от Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе).

В соответствии с Федеральным законом от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Феде-

рации» в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора, 4 марта 2012 г. были проведены выборы Президента Российской Федерации. На день выборов в указанных учреждениях УИС содержалось 76 326 лиц, обладающих избирательным правом. В списки избирателей были включены все подозреваемые и обвиняемые, обладающие правом принимать участие в выборах. Голосование происходило на 300 избирательных участках, из которых 129 были созданы непосредственно в следственных изоляторах. Всего проголосовало 76 239 человек, что составляет 99,9% от общего количества лиц, внесенных в списки избирателей. Во время голосования на избирательных участках в учреждениях УИС присутствовало 184 наблюдателя, в том числе 6 международных наблюдателей от Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В Республике Хакасия, Забайкальском, Хабаровском краях, Владимирской, Магаданской, Московской областях и г. Москве 8 сентября 2013 г. состоялись выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации). В 16 субъектах Российской Федерации организовано проведение выборов депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Кроме этого, проведены выборы глав муниципальных образований – административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и депутатов представительных органов муниципальных образо-

ваний – административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации в 16 субъектах Российской Федерации. На день проведения выборов в СИЗО содержалось 20 101 человек, обладающих активным избирательным правом. В списки избирателей были включены все лица, обладающие избирательным правом. Для проведения голосования непосредственно в учреждениях УИС было образовано 52 избирательных участка. Во время голосования на избирательных участках в учреждениях УИС присутствовало 80 наблюдателей от избирательных объединений. Всего проголосовало 20 099 человек, что составляет 99,9 % от общего количества лиц, включенных в списки избирателей.

Следует отметить ряд существенных особенностей правового статуса избирателей, находящихся в местах содержания под стражей, которые требуют осмысления и законодательного регулирования. Так, находясь под стражей, подозреваемые и обвиняемые не могут реализовать право избирать и участвовать в референдумах в полном объеме. В частности, они не участвуют в собраниях избирателей, в том числе по выдвижению или поддержке кандидатов на выборные должности, не могут присутствовать на встречах избирателей с кандидатами, ограничены во встречах с агитаторами, и т. д. Основываясь на ч. 2 ст. 32 Конституции РФ, ч. 3 и 7 ст. 4 Федерального закона Российской Федерации от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в перечень прав подозреваемых и обвиняемых, предусмотренный Федеральным законом от 15.07.1995

№ 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», необходимо включить право избирать, а также участвовать в референдуме и ввести норму, регламентирующую порядок реализации указанного права [1, с. 15].

Для предотвращения и разрешения коллизий между Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, необходимо законодательно закрепить право обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы личности, субъектам, в обязанности которых входит защита прав граждан, в частности Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации и уполномоченным по правам человека в субъектах РФ. Также необходимо внесение ряда поправок в Конституцию Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации определяющих

категории осужденных, которые могут быть лишены избирательных прав. Указанные меры, как представляется, позволят обеспечить соблюдения конституционных прав лиц, заключенных под стражу, и осужденных на участие в выборах и референдумах в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев В.Н. Правовое положение подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. – М.: Права человека, 2000. – 204 с.
2. Новицкий С.С. Конституционно-правовые основы защиты лиц, заключенных под стражу в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 186 с.
3. Ben Emmerson: The European Court of Human Rights enhances our democracy // The Independent. – 2011. – 8 Feb.
4. British Law Lord Heavily Criticizes European Court [Электронный ресурс] / ECHR Blog [сайт]. – URL: <http://echr-blog.blogspot.co.uk/2009/04/british-law-lord-heavily-criticizes.html> (дата обращения: 17.05.2014 г.)

УДК 347.941

Семыкин В.В.*Московский государственный областной университет***ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О КОМПЕНСАЦИИ
МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности доказывания по делам о компенсации морального вреда, в частности, касающиеся определения предмета доказывания. Данные особенности обусловлены особым видом прав, нарушаемых ответчиком – нематериальных благ, личных неимущественных и других неимущественных прав, или имущественных прав. В предмет доказывания необходимо включать все юридические факты основания иска и возражений против него, указания на которые содержат нормы материального права. Так, истцу, при доказывании морального вреда, подлежащего взысканию, необходимо подтвердить наличие физических и нравственных страданий, при необходимости, наличие вины в действиях ответчика, и данные обстоятельства должны лечь в основу заявленного размера компенсации. Кроме того, в предмет доказывания необходимо включить и наличие причинной связи между причиненным моральным вредом и произошедшим событием или действием, которое непосредственно нанесло вред истцу.

Ключевые слова: доказывание, иск, компенсация, моральный вред, имущественные права, личные неимущественные права.

V. Semykin*Moscow State Regional University***FEATURES OF PROVING IN CASES OF MORAL DAMAGE
COMPENSATION: EVIDENCE DATA**

Abstract. The article considers the features of proving in cases of moral damage compensation, particularly concerning evidence data. These features are conditioned by a specific kind of rights violated by a defendant, i.e. non-material goods, personal and other non-proprietary or proprietary rights. The evidence data should include all legal facts which constitute the basis of the moral case and objections to it and can be linked to material law standards. For instance, the claimer evidencing moral damage should prove physical and moral sufferings which may influence the sum of compensation. Besides, the evidence data should provide a connection between the moral damage and the event or act that caused it.

Key words: proving, lawsuit, compensation, moral damage, proprietary rights, personal non-proprietary rights.

На суд возложена обязанность по определению того, «какие обстоятельства имеют значение для дела», тем самым, на основании закона устанавливается предмет доказывания по лю-

© Семыкин В.В., 2014.

бому гражданскому делу (часть 2 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса – ГПК РФ). В гражданском процессуальном законодательстве такой термин, как «предмет доказывания» не используется, но в науке данное по-

нятие получило широкую разработку. Так, в общем смысле, обстоятельства, «обосновывающие требования и возражения сторон, представляют собой <...> предмет доказывания» [6, с. 141]. В состав данных обстоятельств входят те юридические факты, установление которых необходимо для правильного разрешения спора. Причем наличие тех или иных юридических фактов по делу, подлежащих доказыванию, вытекает из диспозиции нормы материального права, на которой основан спор.

Каждое гражданское дело имеет свою специфику, обусловленную требованиями и возражениями сторон, а значит, и состав юридических фактов, подлежащих доказыванию, по каждой категории дел будет различен. Данной спецификой обладают и гражданские дела по искам о компенсации морального вреда. Исходя из общих понятий, в предмет доказывания по искам о компенсации морального вреда будут входить обстоятельства, обосновывающие требования истца и возражения ответчика [7, с. 21]. Исходя из определения морального вреда, данного в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ в предмет доказывания по иску должны входить юридические факты, указывающие на то, имели ли место действия (бездействия) со стороны ответчика, причинившие нравственные или физические страдания истцу, в чем именно они проявились, где и когда были совершены. При этом такие действия (бездействия) должны нарушать нормы закона и субъективное право истца, то есть поведение ответчика носит противоправный характер.

Действия ответчика будут носить противоправный характер при условии, что он ненадлежащим образом

исполнил возложенные на него законом или договором обязанности, причем перечень таких запрещенных действий законодателем исчерпывающе не определен [4]. Бездействие же будет являться таковым, при условии, когда на «причинителе вреда лежала обязанность совершить соответствующее действие» [10, с. 124], но она не была выполнена, причем данная обязанность также должна вытекать из закона или договора. В предмет доказывания, кроме того, входят факты, свидетельствующие о том, на какие именно нематериальные блага совершено посягательство ответчиком, какие личные немущественные, иные немущественные или имущественные права истца нарушены. При этом необходимо учитывать, что перечень нематериальных благ, указанный в Гражданском кодексе (ГК РФ), не является исчерпывающим в силу многообразия связей в гражданском обороте.

Доказыванию подлежат и факты, указывающие на то, какие именно нравственные или физические страдания перенес истец вследствие действий (бездействий) ответчика, то есть в иске необходимо конкретное указание таких обстоятельств путем их перечисления или обозначение их иным способом. Как пояснил Пленум Верховного Суда РФ, в состав таких страданий могут включаться переживания лица, связанные с «невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо

прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья, либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.»¹.

Подлежащие доказыванию нравственные страдания истца относятся к психологической сфере и связаны с внутренними морально-этическими переживаниями субъекта, а понятие «физические страдания», как одну из форм морального вреда необходимо отграничивать от понятия «физический вред», под которым понимаются «любые негативные изменения в организме человека, препятствующие его благополучному биологическому функционированию» [13, с. 10]. В науке под физическими страданиями понимают «чувства, ассоциирующиеся с физической болью, и, как правило, возникающие при причинении вреда здоровью» [9, с. 40–41]. При этом между физическими и нравственными страданиями, подлежащими доказыванию, существует неразрывная связь, но ведущая роль принадлежит именно нравственным страданиям, физические страдания, как считают в науке, «приобретают юридическую значимость для возложения гражданско-правовой ответственности за причинение морального вреда лишь постольку, поскольку вызывают нравственные страдания» [8, с. 45].

В состав предмета доказывания также будут входить факты, касающиеся степени вины ответчика при причинении морального вреда истцу.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (с изм. от 06.02.2007 г.).

Вина представляет собой психическое отношение правонарушителя к совершаемому им деянию и его последствиям. Как в уголовном, так и в гражданском праве, вина имеет две формы – умысел и неосторожность, но при этом гражданское законодательство, в частности ГК РФ, указывая данные формы вины, не раскрывает ни их понятия, ни виды. Но в гражданском процессе конкретный вид умысла принципиального значения при рассмотрении дела не имеет и особенности видов данной формы вины на решение суда влияния не оказывают, а значение будет иметь только направленность умысла – причинение вреда потерпевшему.

Большинство гражданско-правовых правонарушений, в том числе и в виде причинения морального вреда, совершаются с иной формой вины – по неосторожности, в силу чего в науке она разработана более подробно и обстоятельно, чем вина умышленная. Неосторожная вина в таком случае характеризуется тем, что субъект «не предвидит последствий своих действий (хотя и должен их предвидеть), а потому и не желает этих последствий (простая неосторожность) либо же предвидит, но легкомысленно надеется предотвратить их (грубая неосторожность)» [12, с. 106]. ГК РФ прямо упоминает такой вид неосторожности, как грубую неосторожность, не давая ее точного определения. Наиболее приемлемыми являются положения, выработанные цивилистической наукой. Так, при грубой неосторожности «в поведении лица отсутствует всякая внимательность и осмотрительность», а при простой неосторожности лицо проявляет «некоторую

осмотрительность и внимательность, однако недостаточные для того, чтобы избежать правонарушения» [5, с. 562].

В случае если участником правоотношений с одной стороны является юридическое лицо или публично-правовое образование [7, с. 25], то вина таких субъектов при причинении морального вреда гражданину будет выражаться в виновном поведении его работников, действовавших «при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей» (ч. 1 ст. 1068 ГК РФ). Но, в ряде случаев бывает очень трудно установить и доказать вину конкретного должностного лица или работника, особенно при ненадлежащем исполнении обязательства, возложенного на организацию в целом. По общему правилу, в гражданском праве вина правонарушителя презюмируется, но при этом лицо будет признаваться невиновным, если «при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства» (ч. 1 ст. 401 ГК РФ). При рассмотрении дела о компенсации морального вреда доказывание наличия вины не всегда является обязательным – исключения из этого правила предусмотрены статьей 1100 ГК РФ и в таких случаях установление факта вины причинителя вреда «исключается из предмета доказывания, в остальных случаях определение вины причинителя вреда в предмет доказывания входит» [11, с. 58].

В предмет доказывания по каждому спору в обязательном порядке включается и размер компенсации морального вреда. Так, по общему правилу, размер компенсации морального вреда, в

конечном счете, определяется судом в зависимости от «характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда» и с учетом положений разумности и справедливости (ч. 2 ст. 1101 ГК РФ). Довольно часто в судебной практике встречаются случаи неоправданного завышения истцом размера заявленной компенсации, в связи с чем суды в разы снижают данную сумму.

Определение таких понятий как «разумность» и «справедливость» не раскрываются в гражданском законодательстве. При их оценке необходимо учитывать положения, указанные в статье 1083 ГК РФ, а именно – имущественное положение ответчика и виновность поведения самого потерпевшего. Но при этом имущественное положение ответчика не всегда подлежит учету при рассмотрении дела о компенсации морального вреда. Так, по конкретному иску о возмещении ущерба и компенсации морального вреда Судебной Коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ было установлено, что «неправомерным является утверждение Президиума облсуда о необходимости учета по данному делу имущественного положения ответчика. Такое право ч. 3 ст. 1083 ГК РФ предоставлено суду только в случае причинения вреда гражданином, а не юридическим лицом, к числу которых относится ответчик, <...> и который на основании ст. 1064 ГК РФ обязан компенсировать потерпевшему моральный вред»¹.

¹ См.: Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2004 г. № 88-В04-7.

В большей степени размер компенсации морального вреда будет установлен судом по его внутреннему убеждению с учетом конкретных обстоятельств дела. Кроме того, суду необходимо учитывать и индивидуальные особенности психики потерпевшего в зависимости от его возраста, состояния здоровья, психофизиологических особенностей его организма. Хотя в науке имеется и противоположная точка зрения, согласно которой «последовательное применение принципа учета индивидуальных особенностей потерпевшего может привести к полному разнобою» [3, с. 21]. Но с таким мнением согласиться нельзя, поскольку данный автор «не учитывает специфичность морального вреда и практически идентифицирует его с вредом материальным» [2, с. 56], что является недопустимым.

Следовательно, истцу, при доказывании морального вреда, подлежащего взысканию, необходимо подтвердить наличие физических и нравственных страданий, при необходимости, наличие вины в действиях ответчика, и данные обстоятельства должны лечь в основу заявленного размера компенсации. Кроме того, в предмет доказывания необходимо включить и наличие причинной связи между причиненным моральным вредом и произошедшим событием или действием, которое непосредственно нанесло вред истцу. В некоторых ситуациях причинно-следственная связь является очевидной, а в ряде случаев ее обоснование вызывает затруднения, в этом случае судом может быть назначена по делу экспертиза, вид которой определяется судом с учетом мнения сторон и в зависимости от конкретных обстоятельств и вида рассматриваемого спора.

Поскольку причина и следствие в каждой ситуации существуют объективно, то при доказывании наличия причинно-следственной связи между двумя явлениями, необходимо доказать «и само событие, которое действительно существовало в течение определенного периода времени (было разовым) либо длящимся» [1, с. 25] и наступившие в результате последствия. Таким образом, содержание причинно-следственной связи будет заключаться в том, что «совершенное неправомерное деяние должно быть главной причиной, влекущей причинение морального вреда» [12, с. 79]. Из вышеизложенного следует, что в предмет доказывания необходимо включить все перечисленные юридические факты основания иска и возражений против него, указания на которые содержат нормы материального права, т. е. юридические факты материально-правового значения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Батяев А.А. Возмещение морального вреда. – М.: Новая правовая культура, 2006. – 321 с.
2. Богданов О.В. Критерии определения размера компенсации морального вреда // Юрист. – 2008. – № 4. – С. 56–59.
3. Гаврилов Э. Как определить размер компенсации морального вреда? // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – С. 21–27.
4. Голышев В.Г., Голышева А.В. К вопросу о противоправности, как выражение нормативной недозволенности // Вестник Московского государственного университета. Серия «Юриспруденция». 2011. № 3. – С. 44–50.
5. Гражданское право: в 3-х т. Том 1 / 6-е изд., перераб. и доп. под ред. А.П. Сергеева А.П., Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2005. – 562 с.

6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / С.А. Алехина, А.Т. Боннер, В.В. Блажеев и др. – М.: Проспект, 2010. – 728 с.
7. Куркина Н.В. К вопросу об основаниях возникновения обязательств по компенсации морального вреда, причиненного при оказании медицинских услуг // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2011. № 2. – С. 19–26.
8. Михно Е.А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дис. ... канд. юрид. наук. – Спб., 1998. – 162 с.
9. Муковнин В.В. Физические страдания как признак морального вреда // Современное право. – 2008. – № 11. – с. 40–43.
10. Сергеев А.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (Часть первая): учебно-практический комментарий. – М.: Проспект, 2011. – 912 с.
11. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2005. – 518 с.
12. Сторожкова Е.В. Вина как одно из условий ответственности за моральный вред // Российский юридический журнал. – 2008. – № 3. – С. 106-111.
13. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: ИНФА-М, 2007. – 279 с.

УДК 342.72/.73

Семьянов Е.В.¹, Ницевич Ю.В.²¹Московский государственный областной университет²Российский государственный торгово-экономический университет (г. Москва)**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются содержание конституционного права граждан на жилище, участие и полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в обеспечении условий для осуществления гражданами прав на жилище, основные показатели, отражающие текущее состояние в сфере реализации конституционного права на жилище. Приведены статистические данные жилищного фонда по состоянию на 2010 г. Обозначены наиболее актуальные задачи подлежащие решению, а также выявлены главные индикаторы достижения цели современной государственной жилищной политики.

Ключевые слова: жилищная политика, право на жилище, жилищный кодекс.

E. Semyanov¹, Yu. Nitsevich²¹Moscow State Regional Universit²Russian State University of Trade and Economy, Moscow**RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF TRADE AND ECONOMY, MOSCOW
THE MAIN DIRECTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION MODERN STATE
POLICY IN PROVIDING CONSTITUTIONAL RIGHT TO HOUSING**

Abstract. The article considers the content of a right to housing under the Constitution, the participation and credentials of state and local bodies in providing this right and basic indices reflecting the current situation in its implementation. The statistical data of 2010 housing stock are provided. The most acute tasks are designated and the main indicators of achieving the goal of modern state housing policy are revealed.

Key words: housing policy, right to housing, housing legislation.

Право на жилище традиционно относится к группе социальных прав и наряду с международно-правовым регулированием нашло свое закрепление в Конституции Российской Федерации. Л.В. Малюкова приходит к выводу, что закрепленные Конституцией Российской Федерации социальные права представляют собой естествен-

© Семьянов Е.В., Ницевич Ю.В., 2014.

ные, неотчуждаемые, принадлежащие каждому от рождения юридические возможности личности по удовлетворению своих потребностей в материальных благах, в том числе в благоустроенном жилище. Данные права, по ее мнению, могут быть обеспечены каждому только за счет всего общества [4, с. 66]. Природа данных прав обязывает государство не только не

препятствовать их осуществлению, но, главным образом, создавать соответствующие благоприятные условия, необходимые для их реализации [5, с. 60].

Буквальное прочтение ряда положений международно-правовых актов, а также Конституции Российской Федерации позволяет утверждать, что конституционное право граждан на жилище заключается в обеспечении государством стабильного, постоянного пользования жилым помещением путем предоставления такого нуждающимся гражданам, а также в оказании содействия гражданам в улучшении своих жилищных условий, в гарантированности неприкосновенности жилища, исключения случаев произвольного лишения граждан жилища (статьи 25, 40 Конституции) [6]. Нормы Конституции Российской Федерации, являются основой, на которой затем осуществляется формирование жилищного законодательства.

В соответствии со ст. 2 Жилищного кодекса (ЖК РФ), органы государственной власти и органы местного самоуправления обеспечивают условия для осуществления гражданами права на жилище в пределах своих полномочий, которые в свою очередь закреплены в ст. 12–14 кодекса. Цель жилищной политики – обеспечение права граждан на жилище [3, с. 81]. В послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 [11] было отмечено, что в ближайшее десятилетие необходимо кардинально решить застарелую российскую проблему – жилищную. Этот вопрос глава государства считает наиболее важным как для Правительства Российской Федерации, так и для руководителей регионов России. Сре-

ди вопросов, подлежащих решению, были обозначены:

- создание условий для развития ипотеки, в том числе для граждан, чьи доходы составляют ниже среднего;
- обеспечение жильем отдельных категорий граждан (молодых семей, специалистов социальной сферы, врачей, учителей, ученых, инженеров, военнослужащих и ветеранов);
- увеличение ввода доступного жилья эконом-класса;
- значительное расширение возможности аренды жилья, доступного для работающего человека;
- расселение граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий в связи с аварийным состоянием их жилища.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 25.01.2002 № 8-ФЗ (ред. от 16.10.2012) «О Всероссийской переписи населения» в перечень сведений, подлежащих переписи, включены жилищные условия населения (тип жилого помещения, время постройки дома, размер общей и жилой площади, количество жилых комнат, виды благоустройства жилого помещения). По данным Всероссийской переписи населения, проведенной по состоянию на 14 октября 2010 г., численность постоянного населения Российской Федерации составила 142,9 млн. человек. Основное население проживает в городах (93%). В основном городское население проживает в отдельных квартирах (78% от числа указавших тип жилища), сельские жители – в индивидуальном доме, что составляет 60%.

На одного члена частного домохозяйства, проживающего либо в индивидуальном доме, либо в отдельной квартире, приходится в среднем по

России 19 кв.м. Данный показатель не менялся с 2002 г. Для достижения комфортных жилищных условий необходимо, чтобы число комнат превышало число членов одного домохозяйства. По данным переписи в обеспечении указанных условий нуждается 73% населения. В Российской Федерации в домах, построенных в 1971 г. и позднее, проживает 60,2% населения. В домах, построенных до 1971 г., проживает 38,2%. Среди населения, проживающего в отдельных квартирах, почти 70% живет в домах, построенных в 1971 году и позднее. За прошедший между переписями населения восьмилетний период благоустройство жилищного фонда несколько улучшилось. Например, доля проживающих в месте постоянного проживания с рождения сократилась на 10 процентных пунктов [14].

На заседании Комиссии по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития от 23.01.2013 было отмечено, что Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» [2] стал действенным инструментом для формирования и реализации государственной жилищной политики в Российской Федерации. Во исполнение данного указа в 2012 году Правительством Российской Федерации проведена значительная работа. По итогам 2012 года введено в эксплуатацию 65 миллионов квадратных метров жилья. Это на 4,6 процента больше, чем в 2011 году, и в два раза больше, чем в 2001 году. Однако по-прежнему остается высокой ставка ипотечного

кредитования (по данным мониторинга она составляет 12,2%). В целях улучшения жилищных условий граждан Российской Федерации, дальнейшего повышения доступности жилья и качества жилищно-коммунальных услуг до 2018 года поставлена задача снижения показателя превышения среднего уровня процентной ставки по ипотечному жилищному кредиту (в рублях) по отношению к индексу потребительских цен до уровня не более 2,2 процентных пункта.

Ведется работа по вовлечению в оборот земельных участков, которые находятся в собственности Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 24.07.2008 № 161-ФЗ (ред. от 10.07.2012) «О содействии развитию жилищного строительства» [13] создан Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства, основной задачей которого является оказание содействия развитию рынка земельных участков для жилищного строительства, а также содействия стимулированию развития рынка жилья. Важная роль в реализации данных мероприятий возложена на органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в части обеспечения таких земельных участков инженерной и коммунальной инфраструктурой.

При анализе современной государственной жилищной политики выявляется тенденция обеспечения жильем граждан преимущественно путем предоставления данного жилья в собственность. Право собственности на жилое помещение представляет собой юридически обеспеченную возможность собственника по свое-

му усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением. Следует заметить, что собственнику квартиры наряду с принадлежащим ему помещением, принадлежит также доля в праве на общее имущество в многоквартирном доме [1, с. 127]. Необходимо отметить, что закрепив в Жилищном кодексе обязанности собственника поддерживать жилое помещение в надлежащем состоянии, не допуская бесхозяйственного обращения с ним, соблюдать права и законные интересы соседей, правила пользования жилыми помещениями, а также правила содержания общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме (п. 4, ст. 30 ЖК РФ), законодатель не предусмотрел наступление ответственности за неисполнение своих обязательств. Принимая во внимание становление института права на жилище в Российской Федерации, отсутствие санкций в обозначенном вопросе только усиливает иждивенческое отношение собственника жилого помещения к содержанию своего помещения.

На сегодняшний день около 86% – частное жилье. В развитых странах на долю собственников приходится не более 50%. В Швейцарии примерно 80% граждан пользуются жилыми помещениями на условиях найма, цена которых регулируется государством. Сама швейцарская государственная политика направлена на поддержание умеренности цен, что обеспечивает доступность жилищного фонда для большинства нуждающихся в жилом помещении граждан. Данные жилые помещения относятся к помещениям общественного использования. Пре-

имущественное право стать таким нанимателем принадлежит гражданам, не обладающими высокими доходами либо дорогостоящим имуществом [9].

Учитывая обозначенные современные тенденции реализации жилищной политики в России, считаем, что развитие института арендного жилья способствует не только обеспечению жильем широкого круга лиц, но и снимает бремя содержания жилого помещения и, если данное помещение является квартирой, общего имущества собственников помещений в соответствующем многоквартирном доме. Основным механизмом развития рынка арендного жилья в Российской Федерации должны стать проекты, направленные на строительство жилья для его последующего предоставления гражданам по договору найма по умеренным ценам, являющимся более низкими по сравнению с рыночными нерегулируемыми ценами на наем жилья в частном жилищном фонде. Целью реализации этих проектов должно стать развитие рынка предложения арендного жилья путем активного задействования в нем публичных домовладельцев [10].

В соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ до 2020 г., повышение качества жизни российских граждан гарантируется путем обеспечения личной безопасности, а также доступности комфортного жилья [12]. Реализация государственной жилищной политики направлена на:

- создание безопасной и комфортной среды обитания и жизнедеятельности человека;
- обеспечение возможностей для территориальной мобильности населения.

Реализация этой стратегической цели предполагает решение нескольких приоритетных задач, в том числе содействие самоорганизации населения на жилищном рынке, совершенствование нормативной правовой и методической базы и содействие в организации товариществ собственников жилья, совершенствование налогового законодательства для эффективного управления многоквартирными домами. Стратегической целью государственной жилищной политики и ее приоритетными задачами, изложенными в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., является обеспечение доступности жилья для всех категорий граждан, а также соответствие объема комфортного жилищного фонда потребностям населения [8].

Основным индикатором успешной реализации современной государственной жилищной политики к 2015 г. является улучшение жилищных условий населения, повышение доступности приобретения жилья, в том числе с помощью собственных средств, ипотечных кредитов и займов, совершенствование нормативной правовой базы Российской Федерации, связанной с формированием рынка доступного жилья для населения. Система целевых индикаторов обеспечит мониторинг динамики изменений в жилищной сфере с целью уточнения или корректировки поставленных задач и проводимых мероприятий [7]. Принимая во внимание, что база жилищного законодательства Российской Федерации продолжает пополняться, есть достаточно оснований рассчитывать на дальнейшее совершенствова-

ние условий, позволяющих улучшать на практике ситуацию с реализацией конституционного права граждан на жилище.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Ахметьянова З.А. Вещное право: учебник. – М.: Статут, 2011. – 360 с.
2. Заседание Комиссии по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития [23 янв. 2013 г.] [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. – URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/17363/work> (дата обращения: 06.05.2014 г.)
3. Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. – М.: Статут, 2008. – 336 с.
4. Малюкова Л.В. Реализация конституционного права человека на жилище в Российской Федерации в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 192 с.
5. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р.М. Валеева. – М.: Статут, 2011. – 830 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – 8 июля.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2010 г. № 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 5. – Ст. 1728–1849.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009 г.) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного

- социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 47. – Ст. 14009-14135.
9. Семина Т.А. К вопросу о роли государства в современной жилищной системе Швейцарии // Жилищное право. – 2009. – № 3. – С. 109–112.
 10. Семина Т.А., Чернов А.В., Садиков А.Л. Проблемы жилищного рынка посткризисного периода, тенденции его развития в современных условиях государственной жилищной политики, в том числе на основе государственно-частного партнерства // Законодательство и экономика. – 2011. – № 4. – С. 41–50.
 11. Стенограмма Послания Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета. – 2012. – 12 дек.
 12. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – 2009. – 19 мая.
 13. Федеральный закон от 24.07.2008 г. № 161-ФЗ (ред. от 10.07.2012 г.) «О содействии развитию жилищного строительства» от 24 июля 2008 года // Российская газета. – 2008. – 30 июля.

УДК 346.176.1

Шаповалов Н.И.*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»***ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА
ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Общество развивается по своим объективным законам, к которым следует отнести процессы глобализации. Последние породили интеграцию в Европе, которая постепенно охватывает все больше сфер жизнедеятельности государств-членов Европейского Союза, начиная от экономики и переходя к политической интеграции. Этому сопутствовал ряд факторов, способствовавших, в конечном итоге положительным результатам. Вместе с тем процессы глобализации не спасают от кризисов, которые сегодня переживает Европейский Союз.

Ключевые слова: Европейский Союз, политическая интеграция, унификация права.

N. Shapovalov*Moscow University of Industry and Finance "Sinergy"***THE EUROPEAN INTEGRATION AS A REFLECTION
OF SOCIAL GLOBALIZATION**

Abstract. Society develops according to its own objective laws and globalization is one of them. Globalized processes generated integration which gradually covers more and more spheres of the EU member states activity, ranging from economy to political integration. This process was preceded by a number of the factors which finally brought positive results. At the same time globalization is not a panacea from crises which by recognition of the President of the European Commission José Manuel Barroso the European Union endures today.

Key words: the European Union, political integration, the unification of law.

Общие закономерности современного развития общества в Европе определили его интеграционную направленность. Важнейшей особенностью такого движения является процесс глобализации его экономических, социальных, политических основ. На процессы глобализации оказали влияние законы развития экономики, в соответствии с которыми национальные экономики формировались интенсивно¹ в пределах государственных гра-

ниц. Даже приход к власти в Италии и Германии представителей фашистской идеологии – обусловил расширение экономики за счет военных поставок, опять же в рамках государственных границ. И только завершение Второй мировой войны подтолкнул Европу к экстенсификации² экономическо-

«интенсивное развитие экономики» подразумевает углубление процесса производства за счет модернизации без его расширения.

² Применительно к данной статье термин «экстенсификация» подразумевает расширенное ведение хозяйства за счет ресурсов других стран.

© Шаповалов Н.И., 2014.

¹ Применительно к данной статье термин

го развития. Государственные границы стали мешать: начинается процесс глобализации, прежде всего в области экономики, направленный на интернационализацию хозяйственных связей.

Глобализация ведет к постепенной трансформации в целостную экономическую систему национальных экономик отдельных государств, где они оказываются составными элементами единого международного хозяйственного механизма, а их последующее развитие определяются ходом развития этого механизма как единого целого. Постепенно глобальная экономическая система становится более значимой, чем национальные экономические системы, что проявляется в ограничении национального суверенитета этих государств в области экономики. Об этом свидетельствуют шаги, предпринятые государствами Европы в ходе создания вначале Европейского Экономического сообщества, затем Европейского Союза.

Бесспорно, успеху интеграции способствовал ряд факторов, приведший, в конечном итоге, к возникновению и развитию Европейской интеграции. Все они носят сложный комплексный характер. Однако их можно систематизировать. Под классификацию подпадают не только глобальные и узконациональные факторы, но и научно-доктринальные, и правовые [2, с. 24]. К глобальным следует отнести, прежде всего, исторический фактор. Интеграционные процессы в Западной Европе возникли не на пустом месте, они имеют глубокие исторические корни. Весь предшествующий опыт развития государств этого региона подготовил последующую интеграцию.

Особое внимание следует уделить геополитическим факторам. Интегра-

ции стран Западной Европы прежде всего содействовала геополитическая ситуация, сложившаяся в мире после Второй мировой войны, которая своими разрушительными последствиями создала реальную основу для европейской интеграции. Во-первых, уроки войны привели к возрождению идей пацифизма и пониманию недопущения роста национализма в послевоенном мире. Во-вторых, стремление стран Западной Европы восстановить пошатнувшееся в результате войны свое экономическое положение стало важнейшим мотивом и основой процесса европейской интеграции. Для стран, потерпевших поражение в войне (прежде всего Германии, разделенной на несколько оккупационных зон) ощущался комплекс побежденных. В интеграции они видели реальную возможность восстановить собственные политические позиции и международный авторитет.

Важнейшим внешнеполитическим фактором, подталкивающим Западную Европу к интеграции, стал страх перед Советским Союзом, разгромившим Германскую армию, которая объективно представлялась одной из самых сильных в мире. В связи с началом холодной войны, интеграционное единство рассматривалось и как важный шаг в сдерживании советского влияния. Западная Европа представлялась регионом, где плотно переплелись политические и экономические интересы [3, с. 28]. Наличие одинакового социально-экономического строя государств Западной Европы, одинаковой формы государственно-политического режима, позволяло в будущем строить отношения на основе единых демократических принципов. Сходные

правовые системы государств – кандидатов позволяли создать в будущем единую правовую систему объединения, что содействовало принятию и реализации решений, отвечающих интересам интеграции.

Наряду с глобальными свое положительное воздействие оказали узконациональные факторы. К узконациональным факторам следует отнести социальный, который сыграл важную роль в возникновении европейской интеграции. Высокая плотность населения, проживающего на небольшой территории со сходной ментальностью, стало социальной предпосылкой европейской интеграции. Стремление ослабить социальные проблемы требовало, чтобы экономика государств этого региона была теснейшим образом переплетена, что позволило бы создать общие экономические интересы. Это также отвечало стремлениям представителей деловых западноевропейских кругов повысить свою конкурентоспособность по отношению к североамериканским монополиям. Этому способствовало примерно одинаковое в послевоенной Европе экономическое положение государств, стремящихся к интеграции.

Экономические интересы западноевропейских государств стали главенствующими в формировании внутренней и внешней политики этих государств, стали одной из основных причин интеграции в Западной Европе.

Реализуя свои узконациональные интересы в противостоянии Советскому Союзу, Соединенные Штаты Америки были также заинтересованы в интеграции западноевропейских государств, ибо рассматривали ее как средство усиления политической кон-

солидации своих союзников. Такая заинтересованность сыграла определенную роль в интеграционном объединении Западной Европы. Ощущая себя в роли старшего брата Западной Европы, они стремились быстро преобразовать ее на свой манер, именно на это была направлена согласованная резолюция Конгресса США с требованием создать «Соединенные демократические штаты Европы» [4, с. 186]. Однако, США понимали, что политическое объединение Западной Европы будет невозможно без экономической интеграции, поэтому подталкивали своих западноевропейских союзников к экономическому объединению, имея ввиду, что, тем самым, будет сделан первый шаг к политической интеграции государств этого региона.

Немаловажную роль сыграла научно-доктринальная основа интеграции. Вышеназванные факторы легли на благодатную почву, подготовленную научной доктриной объединения, сформировавшейся к 1950 г. Она оказалась бесценной для успеха интеграции. Доктрина содержала две принципиально отличающиеся концепции интеграции: федералистскую и конфедералистскую. Сторонники первого пути видели интеграцию в построении наднациональной Европейской федерации, или Соединенных Штатов Европы, где процесс интеграции должен был охватить весь комплекс общественной жизни государств вплоть до введения единого гражданства. Конфедералистский путь вел к созданию ограниченной интеграции, основанной на принципах межгосударственного согласия, с сохранением суверенитета государств-участников. Интеграция в Европе, по мнению сторонников этого

пути, должна быть нацелена, прежде всего, на тесный экономический союз с возможной ограниченной политической кооперацией в будущем при сохранении своих основных суверенных черт, национальных правительств, органов государственной власти, вооруженных сил государств-членов этого союза. Весь ход европейской интеграции представляет собой постоянную борьбу этих двух концепций.

К началу 1950-х гг. в Европе сложились все основные предпосылки благоприятствующие интеграции. Центристские силы возобладали над центробежными, что позволило подчинить национальные интересы государств – кандидатов задачам интеграции. Баланс сил качнулся в сторону объединения, интеграция началась. Правовой основой интеграционного процесса стали учредительные договоры, международные по своему характеру, в соответствии с которыми подписавшие их государства обязались начать унификацию своей экономической политики, гармонизировать законодательства в области экономики, условий труда и жизни и т. д. Для успеха интеграции требовалась серьезная правовая база, ведущую роль в формировании которой сыграл Суд Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Специфические особенности ее придали Западноевропейской интеграции необратимый процесс.

Европейское интеграционное объединение возникло не от хорошей жизни. Оно явилось результатом жесткой борьбы, которая продолжается и в настоящее время. Сегодня в Европейском интеграционном объединении преобладают центристские тенденции, но значит ли это, что они будут преобладать всегда? Сегодня Европейский Союз находится в сложном процессе поиска единой концепции новой методики принятия решений в условиях его расширения, отягощенном нарастанием геополитического, финансового и торгово-экономического противостояния в мире. Выступая на сессии Европарламента Председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу признал наличие глубокого системного кризиса в Евросоюзе и особенно в Еврозоне [1]. Подобное заявление представляется показательным и требует специального анализа, в том числе, с учетом ситуации в Украине.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баррозу Ж.М. «Действительно системный кризис» // Взгляд: деловая газета. – 2011. – 16 ноября.
2. Шаповалов Н.И. Правовые проблемы политизации ЕС. – Saarbrücken: Dictus Publishing, 2013. – 266 с.
3. Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1965. – 589 s.
4. Schneider H. Leitbilder der Europapolitik. – Bonn: Europa Union Verlag, 1977. – 352 s.

РАЗДЕЛ V. Трибуна молодого ученого

УДК 44:14/34

Бондарь Д.В.

Московский институт предпринимательства и права

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТОВАРНОГО СКЛАДА КАК СУБЪЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ХРАНЕНИЯ

Аннотация. Рассмотрены вопросы, касающиеся понятия товарного склада как профессионального хранителя и его разновидностей. Выявлены требования, выдвигаемые к товарному складу, как к профессиональному хранителю. Как и любой иной субъект договорных отношений, товарный склад имеет права и обязанности по хранению и оказанию услуг связанных с хранением товаров (вещей), которые имеют ряд особенностей, в частности, повышенную ответственность, связанную с хранением товаров (вещей). В статье приведен пример таможенного склада, как разновидность ведомственного склада, который также является профессиональным хранителем.

Ключевые слова: профессиональный хранитель, товарный склад, склад общего пользования, складское свидетельство, повышенная ответственность.

D. Bondar

Moscow Institute of Entrepreneurship and Law

THE LEGAL NATURE OF A WAREHOUSE AS A SUBJECT OF PROFESSIONAL STORAGE

Abstract. This article considers the problems of the notion of warehouse as a professional keeper and its varieties. The demands to warehouse as a professional keeper were identified. Like any other subject of contractual relationships warehouse has its own rights and responsibilities concerning storage and services related to the storage of goods (things). The services possess a number of features, increased responsibility of the warehouse is one of them as it is associated with the storage of goods (things). This article gives an example of a department warehouse which is considered as professional keeper.

Key words: professional keeper, warehouse, warehouse of general use, warehouse receipt, increased responsibility.

Складское хранение играет важную роль в гражданском обороте. Но в отношениях складского хранения, как и в любых договорных и недоговорных отношениях, есть пробелы и недостатки, о которых, в частности, и пойдет речь. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 907 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), под товарным складом признается организация, осуществляющая в качестве предпринимательской деятельности хранение товаров и оказывающая связанные с хранением услуги. Хранение на товарном складе подразумевает под собой обязанность товарного склада за вознаграждение хранить товары, переданные ему товаровладельцем (поклажедателем), и возвратить эти товары в сохранности.

В законе есть понятие профессионального хранителя, под которым понимается коммерческая либо некоммерческая организация, осуществляющая хранение в качестве одной из целей своей профессиональной деятельности. С. П. Гришаев считает, что в качестве хранителя выступает товарный склад, которым признается организация, осуществляющая в качестве предпринимательской деятельности хранение товаров и оказывающая связанные с хранением услуги (ч. 2 п. 1 ст. 907 ГК РФ). Следовательно, товарным складом является организация, которая занимается хранением в качестве предпринимательской деятельности¹. По мнению И.В. Кравченко, по формальным юридическим признакам в роли товарного склада может высту-

пать любая организация, в пределах своей общей правоспособности, если иное не будет установлено законодательством о лицензировании отдельных видов деятельности [4, с. 43]. При этом важно соблюсти условие о том, чтобы хранение осуществлялось как предпринимательская деятельность, а оказание складских услуг не противоречило бы целям и задачам, установленным в учредительных документах организации. Как отмечает в своей работе П.В. Крашениников [5, с. 104], товарным складом является не любая коммерческая организация, оказывающая платные услуги по хранению. Товарный склад – это специализированная организация, осуществляющая хранение товаров на постоянной профессиональной основе и имеющая для этого необходимые условия (складское помещение, оборудование и т. п.).

Таким образом, хранителями по договору складского хранения могут быть коммерческие юридические лица, некоммерческие юридические лица (в случае, если данная деятельность разрешена их уставными документами) любой известной нам организационно-правовой формы. Касательно физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, то они не являются хранителями, так как указано выше, речь может идти только об организациях. Представляется, что это положение закона не совсем правильно, поскольку хранение на товарном складе вполне может быть предметом деятельности индивидуального предпринимателя. По своей правовой природе, товарный склад осуществляет хранение вещей в качестве одной из целей своей деятельности. Можно сказать, услуга

¹ См. обзоры С.П. Гришаева «Хранение на товарном складе» (2011 г.) для электронных справочных систем «Гарант» и «Консультант Плюс».

по хранению, оказываемые товарным складом является его основным видом деятельности, так как прямое назначение склада считается хранение движимых вещей (товаров).

К числу товарных складов можно, например, отнести элеваторы, холодильники, овощехранилища, нефтехранилища, таможенные склады, иные склады в таможенной сфере. Вопрос, касающийся разновидности товарных складов в настоящее время изучен учеными цивилистами и имеет ряд своих особенностей. В законе есть деление товарных складов на ведомственные склады и склады общего пользования. Гражданский кодекс Российской Федерации содержит понятия вышеназванных типов складов. Ведомственными товарными складами принято считать склады, созданные на транспорте или при оптовых торговых предприятиях. Как правило, ведомственные склады могут обслуживать как одну, так и несколько организаций и могут быть теми или иными структурными подразделениями юридических лиц, либо ведомств. Деятельность подобного рода складов регулируется внутренними нормативно-правовыми актами. Ведомственные склады принимают на хранение товары от заранее определенного круга товаровладельцев, но при наличии свободных мощностей заключают договоры хранения со сторонними организациями.

В качестве примера ведомственного склада можно рассмотреть таможенный склад. По мнению А.С. Коломацкой [2], на таможенный склад могут помещаться любые товары, за исключением товаров, запрещенных к ввозу в РФ и вывозу из РФ, товаров, срок годности которых составляет ме-

нее сроков, установленных ТК РФ, а также иных товаров, к которым применяются ограничения в соответствии с законодательством о государственном регулировании внешнеторговой деятельности и перечень которых может определяться Правительством РФ. Как отмечает И.В. Кравченко [4, с. 46], таможенный склад используется для хранения товаров, являющихся предметом залога лиц, пересекающих государственную границу Российской Федерации, в обеспечение уплаты таможенных сборов при предоставлении отсрочки указанных платежей. Обустройство таможенного склада должно включать возможность поступления товаров и изъятие их со склада помимо таможенного контроля и обеспечивать сохранность товаров, находящихся на складе. Товары помещаются на таможенный склад в присутствии или с ведома уполномоченных должностных лиц таможенного органа. При помещении товаров под режим таможенного склада взимаются таможенные сборы. Товары могут храниться на таможенном складе не более трех лет.

Следующей разновидностью товарного склада являются склады общего пользования. Ю.С. Соловьева [7, с. 39] указывает на то, что складом общего пользования признается независимое деловое предприятие, оказывающее разнообразные услуги, например, хранение, грузоперевозки, транспортировка. За конкретное вознаграждение, которое имеет фиксированную форму платы или процента от стоимости храняемых товаров. Обычно склады общего пользования предоставляют всем клиентам достаточно стандартный набор услуг. В соответствии со ст. 908 ГК РФ,

товарный склад признается складом общего пользования, если из закона, иных нормативно-правовых актов вытекает, что данный товарный склад (в виде коммерческой организации) обязан принять товары на хранение от любого товаровладельца. В отличие от ведомственных складов, где складом является как коммерческая так и некоммерческая организация, товарным складом общего пользования может быть только коммерческая организация. Договор складского хранения, заключаемый товарным складом общего пользования считается публичным договором (п. 2 ст. 908 ГК РФ). Не будет лишним сослаться на труды таких цивилистов, как М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, которые утверждают [1, с. 772], что договор складского хранения, заключенный товарным складом общего пользования считается публичным, объясняя это тем, что любые лица вправе требовать от указанного склада заключить с ними договор со включением всех условий, какие содержатся в других заключенных им договорах. Склад общего пользования вправе уклониться от этого только в тех случаях, когда сможет доказать невозможность принятия товар на хранение.

Складом считается здание, сооружение и разнообразные устройства, предназначенные для приемки, размещения и хранения поступивших товаров, где выполняются работы по приемке, подсортировке, хранению, фасовке, отпуску товаров. Это считается более обобщенное понятие склада, которое дает общие понятия о складе, и складской деятельности как таковой. Склад, выполняя услуги по хранению и собственно, осуществляя само хранение товаров (вещей),

обязан иметь соответствующее оборудованное помещение, для хранения товаров, а также для иных услуг связанных с хранением, например, для проведения оценочных мероприятий. Также товарный склад имеет право, по возвращению товаровладельцу товара (вещи) произвести осмотр количества и качества.

Товарный склад, как и любой субъект договорных отношений имеет круг определенных прав и обязанностей. Все права обязанности товарного склада можно разделить на две большие группы: общие и специальные, в силу особенностей данного субъекта договорных отношений. В определении основной обязанности не возникает затруднений, ибо она вытекает из сути самого договора складского хранения, а именно: обеспечить сохранность вещи (товара) сданной на хранение. Товарный склад общего пользования обязан принять товар на хранения от любого обратившегося к нему товаровладельца. Но по причине, например, полной загрузки складских емкостей или из-за невозможности обеспечить специальные условия хранения, необходимые для хранимого товара, товарный склад имеет право отказать в приеме товара на хранение.

Специальные обязанности четко прописаны в законе. Так, в соответствии с п. 1 ст. 909 ГК РФ товарный склад, если иное не предусмотрено договором, обязан при приеме товаров на хранение, произвести осмотр, определить количество и внешнее состояние принимаемого товара (качества) за свой счет. Данные расходы хранителю будут возмещены (они входят в состав вознаграждения). На основании п. 2 ст. 909 ГК товарный склад обязана

протяжении всего периода хранения товаров, предоставлять товаровладельцу (поклажедателю) возможность осмотра товара, или же его образцы, а также возможность снятия пробы.

По мнению М.И. Брагинского, В.В. Витрянского [1, с. 773], товарному складу предоставлено право в случаях, когда возникает необходимость изменить условия хранения для обеспечения сохранности товаров, самостоятельно решать вопрос о принятии соответствующих мер, не дожидаясь выражения согласия контрагента. Товарный склад должен лишь после принятия таких мер, т. е. задним числом, уведомить о них контрагента. Указанная обязанность возлагается на хранителя только в случае, если речь идет об изменении условий хранения, которое носит существенный характер. ГК РФ дает основания сделать вывод, что о менее существенных изменениях можно и не уведомлять контрагента. Законом, иными нормативно-правовыми актами или договором, товарный склад имеет исключительную возможность распоряжаться сданным на хранение товаром. Эти правомочия регулируются в ст. 918 РФ. Но данную норму не стоит путать с правом, которое вытекает из консигнационного договора, по содержанию которого видно, что товарный склад имеет право распоряжения в отношении сданного на хранение товара, которое выражается в его реализации третьим лицам.

Будучи профессиональным хранителем, товарный склад обязан, обнаружив при возврате товара его повреждение, недостачу или утрату, сослаться на то, что эта утрата, повреждение или недостача произошли из-за свойств данного товара, о которых хранитель

не знал и не должен был знать. В данном случае, так как у товарного склада наступает повышенная ответственность, безвиновая ответственность. Чтобы «освободиться» от ответственности необходимо доказать, что обнаружить свойства товаров, о которых выше было сказано, при проведении внешнего осмотра в момент приема, товарный склад не мог. По поводу повышенной ответственности товарного склада, как профессионального хранителя, ведутся постоянные споры ученых цивилистов. Момент возникновения повышенной ответственности и ее размер являются спорными на сегодняшний день.

Товарный склад, являясь профессиональным хранителем, когда принимает товар (вещь) на хранение, несет безвиновую ответственность. Она наступает даже до момента заключения самого договора складского хранения. По мнению Н.А. Новокшеновой [6, с. 101], хранитель должен возместить поклажедателю убытки, причиненные отказом принять товар на хранение, если иное не предусмотрено законом или договором. Ответственность, о которой идет речь, наступает для него как для лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, независимо от вины. Границей такой ответственности служит действие непреодолимой силы, а равно вина самого поклажедателя. С данным мнением можно согласиться, ибо профессионального хранителя «освободить» от ответственности может факт непреодолимой силы, наступления тех обстоятельств, которые не зависят от действий товарного склада.

Товарный склад общего пользования обязан заключить договор склад-

ского хранения с любым, обратившемся к нему товаровладельцем, за исключением случаев, когда для осуществления хранения на товарном складе не хватает мощностей, тогда товарный склад имеет право отказать в заключении договора хранения и полностью освобожден от ответственности за отказ в принятии товара на хранение. Договор складского хранения оформляется в письменной форме. Данная письменная форма считается соблюденной в случае если принятый товар удостоверяется некими складскими документами. На практике встречаются случаи, когда при заключении консенсуального договора хранения, стороны заключают традиционный по форме договор хранения. Наряду с этим, в частности, при заключении консенсуального договора хранения, сторонами может быть заключен традиционный по форме договор хранения, в содержании которого прописана не только обязанность товарного склада принять на хранение товар в конкретный срок, но еще и очень подробно определен режим хранения, условия возмещения чрезвычайных расходов на хранение, и дополнительные услуги, оказываемые складом связанные с хранением товаров. Все обстоит гораздо проще, при выдаче товаровладельцу одного из трех складских документов: складской квитанции, простого складского свидетельства или двойного складского.

Складская квитанция является документом, который удостоверяет факт принятия товара складом. В данном документе содержится основная характеристика товара. В соответствии с нормами ГК, складскую квитанцию нельзя ни заложить, ни передать другому лицу, ибо данная квитанция

этого не подразумевает. Складские свидетельства, как и другие товарораспорядительные бумаги не считаются документами подтверждающими право собственности на товар. Складские свидетельства являются ценными бумагами. В соответствии с нормами гражданского законодательства, простые складские свидетельства представляют собой предъявительские ценные бумаги. В отношении же двойного складского свидетельства все не столь однозначно. ГК не дает прямых указаний о том, к какому типу ценных бумаг принадлежит двойное складское свидетельство.

По мнению А. А. Котелевской [3, с. 158], двойное складское свидетельство и его части: складское и залоговое свидетельства – являются ордерными ценными бумагами. С этим высказыванием нельзя не согласиться, ведь данный складской документ, состоящий из ценных бумаг, которые могут быть отделены друг от друга, попадает под понятие «ордерная ценная бумага». Ордерной ценной бумагой считается ценная бумага, права по которой могут принадлежать названному в ней лицу, которое само осуществляет эти права или назначает своим приказом другое правомочное лицо. Права по ордерной ценной бумаге могут передаваться путем совершения на этой бумаге передаточной надписи – индоссамента. Как и простое, двойное складское свидетельство содержит обязательные сведения, которые указаны в ст. 913 ГК. Само двойное складское свидетельство, как и каждая из его частей, является ценной бумагой, которая выдается только на определенное имя. В последующем, складское и залоговое свидетельства могут передаваться вместе или отдель-

но друг от друга другим лицам по передаточным надписям (индоссаментам), благодаря чему, они относятся к ордерным ценным бумагам (ст. 915 ГК).

Подводя итог вышесказанному можно сделать вывод, что, во-первых, товарный склад попадает под понятие профессионального хранителя, так как по своей правовой структуре является коммерческой (в некоторых случаях некоммерческой) организацией, для которой хранение является одной из основных целей предпринимательской деятельности. Подобного рода деятельность, осуществляемая товарным складом как профессиональным хранителем должна быть основной, следовательно, должна быть прописана в уставе товарного склада. Во-вторых, спорным на сегодняшний день остается вопрос, касающийся повышенной ответственности, которая по мнению некоторых ученых, наступает с момента принятия товарным складом вещи (товара) на хранение. Такая ответственность называется «безвиная» ответственность, то есть ответственность, которая наступает независимо от наличия вины.

На наш взгляд, подобное утверждение может быть не совсем справедливым, так как существует множество факторов и обстоятельств, послуживших причиной ненадлежащего исполнения или неисполнения товарным складом своих обязанностей по хранению товара, наступление которых не зависит от воли хранителя (товарного склада). Безусловно, товарный склад несет повышенную ответственность за недостачу или повреждение товара, сданного на хранение поклажедателем,

но моментом наступления данной ответственности не может считаться момент приема вещи (товара) на хранение, так как при приеме товара на хранение, товарный склад ничего не нарушил. Вопрос, касающийся момента наступления повышенной ответственности товарного склада, является спорным и требует детальной доработки в законодательстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: в 5-ти кн. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / изд. 2-е доп., исп. – М.: Статут, 2004. – 1049 с.
2. Коломацкая А.С. Правовой статус товарных складов по российскому законодательству // Юрист. – 2004. – № 11. – С. 24-27.
3. Котелевская А.А. Правовое регулирование двойных и простых складских свидетельств: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 170 с.
4. Кравченко И.В. Договор хранения на товарном складе: проблемы регулирования, квалификация и применения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 187 с.
5. Крашениников П.В. Договор хранения: постатейный комментарий главы 47 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: Статут, 2009. – 249 с.
6. Новокшонова Н.А. Договор хранения на товарном складе: гражданско-правовой и административно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 229 с.
7. Соловьева Ю.С. Договор складского хранения по гражданскому законодательству Российской Федерации (на примере договора хранения зерна и продуктов его переработки): дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. – 174 с.

УДК 343.9

Семенов А.В.*Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (г. Москва)*

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ К НЕМУ

Аннотация. В данной статье рассмотрены типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования хищений огнестрельного оружия и боеприпасов к нему. Выявлены и обоснованы основания для классификации типичных следственных ситуаций. На основе проведенного исследования автором определяется значение и задачи следственных ситуаций. Автором аргументировано утверждение, что для решения указанных задач, в зависимости от складывающихся следственных ситуаций, необходимо своевременное проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, следствие, преступление, уголовное судопроизводство.

A. Semenov

*The Main Informational and Analytical Centre
of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow*

TYPICAL SITUATIONS AT THE INITIAL STAGE OF FIREARMS AND AMMUNITION THEFT INVESTIGATION

Abstract. This article describes typical inquiry situations developing at the initial stage of the investigation of firearms and ammunition thefts. The grounds for classifying these typical situations are identified and justified. Based on the research the meaning and tasks of inquiry situations are defined. The author argues that the solution of these problems is in timely performed investigation and search operations.

Key words: firearms, investigation, crime, criminal proceedings.

Значение следственных ситуаций признается всеми учеными, изучавшими их в своих работах. В настоящее время эта категория является одной из важнейших в современной криминалистики и, наряду с другими, входит в основной понятийный аппарат этой дисциплины [4, с. 22]. Вместе с тем анализ имеющихся в научной литературе определений следственной

ситуации позволяет сделать вывод о неоднозначном подходе к этому явлению. Так, некоторые авторы считают, что следственная ситуация – это противоречие между знанием и незнанием, своеобразное соотношение между известным и неизвестным по делу, при котором искомое (доказываемое обстоятельство) не дано и сведения о нем непосредственно не содержатся в исходных данных, однако уже уста-

новленные факты в какой-то мере ограничивают и направляют поиск возможного решения [1, с. 39]. Другие полагают, что она является фактическим положением, сложившимся в определенный момент расследования по конкретному уголовному делу, всесторонний анализ и оценка которого позволяет следователю принять наиболее целесообразное для данного вида тактическое решение [7, с. 217].

Как видно из этих определений, взгляды на понятие и сущность следственной ситуации совершенно различные, вместе с тем мы придерживаемся мнения авторов, которые полагают, что следственная ситуация представляет собой сумму значимой для расследования информации имеющейся в распоряжении следователя к определенному моменту расследования [2, с. 505–506]. Исходя из этого понятия, полагаем, что при расследовании хищений огнестрельного оружия и боеприпасов к нему возникающие типичные следственные ситуации следует классифицировать с учетом имеющейся информации о лице, характере действий преступника и месте совершения преступления. Типичные следственные ситуации, являясь основой криминалистического алгоритма расследования преступлений, позволяют:

- правильно выбрать направление расследования;
- выдвинуть аргументированные криминалистические версии;
- организовать эффективное взаимодействие следователя с органом дознания;
- определить оптимальную последовательность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– принять обоснованные процессуальные и тактические решения [6, с. 61].

Анализ следственной и судебной практики показывает, что на первоначальном этапе расследования хищений огнестрельного оружия и боеприпасов к нему можно выделить три наиболее типичные следственные ситуации. *Первая следственная ситуация* возникает в том случае, если при имеющихся признаках хищения отсутствуют сведения о лице его совершившем. При этом имеется информация о предмете преступного посягательства и следах преступления. Проведенный нами анализ материалов уголовных дел показал, что большая часть преступлений расследовалась следователями именно в таких условиях (81% уголовных дел). Такая ситуация является для следователя неблагоприятной и складывается на основе информации, содержащейся в заявлении и сообщении потерпевшего, а также полученной при осмотре места происшествия и из показаний свидетелей. При этом следует иметь в виду, что в некоторых случаях потерпевший может давать показания не соответствующие действительности, что еще усложняет расследование уголовного дела. Данное обстоятельство может быть связано с тем, что лицо, заявившее о преступлении, не хочет огласки всех обстоятельств совершенного преступления, поскольку опасается ответственности за свои действия (напр., лицо не имеет разрешения на хранение оружия или само является соучастником преступления).

Основными задачами этой ситуации являются: фиксация следов преступления, установление личности и местонахождения лица, совершившего хищение, а также обнаружение и

изъятие похищенного имущества. Для решения этих задач необходимо провести осмотр места происшествия, допросы свидетелей, потерпевшего. Поскольку в данном случае наличие недостаточность доказательственной информации, то наиболее эффективным средством для решения этой проблемы является оперативно-розыскная деятельность. В связи с этим необходимо направить письменные поручения органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий для установления лиц причастных к совершению преступления, при наличии основания полагать, что похищенное оружие и боеприпасы могут быть реализованы, установить место сбыта, лиц скупающих и сбывающих похищенное. Назначить экспертизы в случае обнаружения на месте совершения преступления следов рук, ног и т. д.

Вторая следственная ситуация характеризуется отсутствием информации о личности владельца оружия либо месте совершения хищения. При этом подозреваемый задержан, его личность установлена. Данная ситуация складывалась в 5% изученных уголовных дел. Чаще всего она вызвана тем, что лицо, совершившее преступление, написало явку с повинной или было задержано сотрудниками правоохранительных органов за совершение других преступлений или правонарушений. Несмотря на то, что данную ситуацию можно охарактеризовать как благоприятную, лицу, производящему расследование, необходимо установить место совершения преступления и личность потерпевшего.

Для решения этой задачи необходимо допросить лицо, задержанное с ог-

нестрельным оружием (боеприпасами). Следует учитывать, что если рассматриваемая ситуация не вызвана явкой с повинной, то преступник в большинстве случаев дает ложные показания или отказывается их давать. Поэтому следует незамедлительно дать письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий для установления личности потерпевшего, провести обыски по месту жительства, работы задержанного. Также будут способствовать расследованию и раскрытию преступления допросы родственников, соседей, сослуживцев подозреваемого.

Третья следственная ситуация предполагает, что при наличии признаков хищения, личность владельца оружия и место совершения хищения установлены, а лицо совершившее преступление задержано. Изучение материалов уголовных дел показывает, что только 14% уголовных дел, возбуждались при наличии указанной исходной информации. Этой ситуации соответствует наличие следующей информации: установлено событие преступления; имеются показания свидетелей, подтверждающие факт преступления; имеются вещественные доказательства. При этом источниками сведений об обстоятельствах преступного события являлись: показания потерпевшего (либо представителя юридического лица), заявившего о совершенном преступлении; личный обыск задержанного (в 24,3% обнаружено похищенное); обыск жилища; показания свидетелей. Полагаем, что такая ситуация является наиболее благоприятной и алгоритм действий следователя должен включать в себя осмотр места происшествия, допрос потерпевшего (в случае совершения грабежа или разбоя его освидетель-

ствование); задержание, личный обыск и допрос подозреваемого; обыск по месту жительства, работы задержанного, установление свидетелей и их допрос.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что для установления всех обстоятельств хищения огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, лицо, производящее расследование, на первоначальном этапе должно решить следующие задачи: обнаружить и изъять следы преступления, установить обстоятельства события преступления, свидетелей, доказательства подтверждающие или опровергающие виновность подозреваемого, место сбыта и хранения похищенного и сумму причиненного ущерба. Для решения указанных задач, в зависимости от складывающихся следственных ситуаций, необходимо своевременное проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Полагаем, что оптимальным алгоритмом действий следователя является: осмотр места происшествия, задержание подозреваемого, проведение личного обыска, обыска помещений; установление и допрос свидетелей; допросы потерпевшего, подозреваемого, назначение судебных экспертиз; письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В заключение необходимо сказать, что следственная ситуация не только охватывает те факторы, исследование которых помогает определить направление, границы и объем расследования, но и корректирует деятельность следователя (дознателя). В то же время избираемые субъектом расследования процессуальные действия предопределяются в немалой степени исходя из его

личного профессионального опыта и интуиции [5]. Типичные следственные ситуации, характерные для первоначального этапа расследования хищений огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, можно характеризовать как преимущественно неблагоприятные, конфликтные. Вместе с тем они обуславливают дальнейший порядок проведения следственных и иных процессуальных действий и являются основанием для выдвижения общих и частных версий. С учетом развития следственной ситуации и оценки информации следователь принимает соответствующие решения о планировании всего расследования или отдельных следственных действий, вносит коррективы в свой план, уточняет и изменяет его [3, с. 54].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика. – М.: Проспект, 2007. – 766 с.
2. Криминалистика / под общ. ред. Е.Г. Ищенко и А.Г. Филиппова. – М.: Высшее образование, 2010. – 835 с.
3. Лузгин И.М. Реконструкция и расследование преступлений. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1981. – 59 с.
4. Новик В.В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 471 с.
5. Подопригора А.А. Типичные следственные ситуации и программы действий следователя (дознателя) на первоначальном этапе расследования // Российский следователь. – 2008. – № 19. – С. 9–13.
6. Шаталов А.С. Следственные ситуации – основа криминалистических алгоритмов расследования преступлений // Российский следователь. – 1999. – № 1. – С. 56–63.
7. Шурухнов Н.Г. Криминалистика. – М.: Юрист, 2005. – 639 с.

УДК 343.2/.7

Сеничева П.В.*Московский государственный университет
приборостроения и информатики***УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ
277, 295 И 317 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ИХ ОХРАНЕ**

Аннотация. В статье дана уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьями 277, 295, 317 Уголовного кодекса Российской Федерации. В их числе рассмотрены особенности соотношения, проблемы квалификации указанных смежных составов преступлений и их расположение в Уголовном кодексе. Анализ применения указанных норм в современной российской действительности выявляет правовые противоречия, пробелы и определяет степень действенности характеризуемых статей кодекса. Автор предлагает для совершенствования действующего законодательства объединить статьи 277, 295, 317 Уголовного кодекса, изъять их из Раздела X «Преступления против государственной власти» и поместить в Раздел VII «Преступления против личности», таким образом создать единую норму, которая устраним противоречия, логично и в максимальном объеме отразит принципы и основы уголовного законодательства.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, преступление, посягательство на жизнь, государственный деятель, общественный деятель.

P. Senicheva*Moscow State University of Instrument Engineering and Computer Science***CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS AND SOME ASPECTS
OF DEFINING CRIMES UNDER ARTICLES 277, 295, 317
OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE**

Abstract. The article gives a criminal law characteristic of offenses under Articles 277, 295, 317 of the Criminal Code. The author studies the features of correlation and the problems of qualifications of the specified offenses and their location in the Criminal Code. The analysis of modern Russian practice of implementing these norms reveals legal contradictions, gaps and different degrees of efficiency of the articles under study. For improving current legislation the author proposes to merge articles 277, 295, 317 of the Criminal Code, withdraw them from Section X «Crimes against the state» and locate in Section VII «Crimes against person», thus making a single rule that would eliminate contradictions and reflect the principles and foundations of the criminal law rather logically and in full volume.

Key words: Criminal Code, crime, life threat, statesman, public man.

В Уголовном кодексе¹ (УК РФ) статьи 277, 295, 317 имеют определенное юридическое тождество. Разграничение указанных смежных составов преступлений достаточно условно, как в теории, так и на практике возникает множество спорных вопросов и проблем при квалификации. Уголовный кодекс содержит три специальные правовые нормы схожего содержания и структуры, строение данных статей практически идентично, за некоторым исключением. Статьи устанавливают ответственность за посягательство на жизнь лиц, в целях прекращения или воспрепятствования их законной деятельности, либо из мести за такую деятельность, и наказывают данные деяния лишением свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2-х лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью. Составы формальные, т. е. преступное деяние окончено с момента посягательства на жизнь потерпевшего в не зависимости от наступивших последствий, умысел прямой.

Субъектом рассматриваемых составов является лицо, достигшее возраста 16 лет, в соответствии со ст. 20 УК РФ. Объективная сторона всех трех преступлений сформулирована как посягательство на жизнь. Обозначенные составы законодателем были помещены в главу X «Преступления против государственной власти» и имеют единый родовый объект – совокупность общественных отношений, обеспечивающих незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства, нормальное

функционирование государственных органов относящихся к различным ветвям государственной власти, а также интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления [11, с. 469]. Исключение составляют видовые и основные непосредственные объекты преступления, категории потерпевших и направление их деятельности, а также формулировка цели преступного деяния, хотя данные различия довольно условны.

Наказание за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность назначается статьей 277 главы 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Видовым объектом законодатель обозначил совокупность общественных отношений, обеспечивающих охрану «столпов» конституционного строя и безопасность государства. Уголовный закон не раскрывает понятия „государственный” и „общественный” деятель, вследствие чего данные понятия носят оценочный характер в правоприменительной практике, так и в теории уголовного права вопрос остается дискуссионным, что поднимает проблемы разграничения смежных составов преступлений, ст. ст. 277, 295, 317 УК РФ.

Так, например, под государственным деятелем Р.Г. Неделин предлагает понимать должностное лицо, занимающее государственную должность в федеральных органах законодательной, исполнительной или судебной власти, органах государственной власти субъектов федерации и осуществляющее

¹ В статье используется Уголовный кодекс Российской Федерации (принят 13.06.1996 г. № 63-ФЗ) в ред. на 23.07.2013 г.

государственные или политические функции (Президент РФ, Председатель правительства, федеральные министры, депутаты Государственной Думы РФ и члены Совета Федерации, Председатели и судьи Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ, Генеральный прокурор РФ, руководители субъектов РФ, прокуроры субъектов федерации и т. д.) [4, с. 17–18]. И.А. Клепицкий в качестве государственного или общественного деятеля рассматривает любое лицо активно участвующее в политической жизни, однако считает, что нельзя относить к числу государственных деятелей лиц, которые не в праве заниматься политической деятельностью (например, судей, прокуроров) [2, с. 486]. А.И. Рарог к государственным деятелям относит руководителей и иных должностных лиц высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти и прокуратуры, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ и приводит пример: Президент РФ, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации РФ, члены Правительства РФ, лица, занимающие аналогичные должности в органах власти субъектов РФ, прокуроры, федеральные судьи, следователи и т. д. [11, с. 477].

Законодатель поместил статью 295 в главу 31 «Преступления против правосудия» УК РФ, статья устанавливает санкцию за посягательство на жизнь лица, участвующего в отправлении правосудия, производящего дознание, осуществляющего предварительное расследование или исполнение судебных актов, а равно и их близких. Видовым объектом данной нормы является совокупность общественных отноше-

ний, обеспечивающих деятельность судебной ветви власти. В круг потерпевших включены лица, участвующие в отправлении правосудия и судопроизводства, а также лица, исполняющие судебные акты, т. е. судья, присяжный заседатель, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, эксперт, специалист, защитник, судебный пристав, судебный исполнитель, иные лица, участвующие в отправлении правосудия, а также и их близкие.

Глава 32 «Преступления против порядка управления», содержит ст. 317, уголовно-правовая норма назначает наказание за посягательство на жизнь осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, а равно и их близких. Видовым объектом законодатель обозначил совокупность общественных отношений, регулирующих порядок государственного и муниципального управления. Ст. 7 закона «О системе государственной службы Российской Федерации» (от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ, ред. 02.07.2013 г. № 185-ФЗ) дает определение правоохранительной службы как вида федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина, таким гражданам присваиваются специальные звания и классные чины. Военнослужащими признаются потерпевшими

по ст. 317 только в случае осуществления на постоянной или временной основе деятельности по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, т. е. специфика деятельности определенно-го рода войск, а равно ситуация чрезвычайности определяет особенности правового статуса военнослужащего, главным элементом которого является специфика выполняемых государственных функций возложенных на военнослужащего.

Действующее законодательство не раскрывает понятий «общественной безопасности» и «общественного порядка». Понятие безопасности содержалось в Законе РФ от 05.03.1992 г. № 2446-1 «О безопасности», действовавшего до принятия нового Федерального закона от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ. Так, ст. 1 указанного закона определяла «безопасность» как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Несмотря на исключение, суть данного определения сохранена в Указе Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Понятийное содержание общественного порядка на законодательном уровне также отсутствует, определение даются лишь учеными в научных трудах, а также разъяснения по данному вопросу давалось Пленумом Верховного Суда СССР¹.

¹ См. п.5 пп. «а» Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 22.09.1989 г. № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей

Категории потерпевших ст. 277, 295, 317 УК РФ перекликаются, и потерпевший может выступать в качестве такого в обозначенных составах, квалификация преступлений в зависимости от направления деятельности потерпевших также достаточно условна и порождает немало сложностей. И действительно, лицо, имея мотив мести, убивает или покушается на убийство судьи, который рассматривал дело с ярко выраженной политической направленностью, а граждане в свою очередь требуют от судей беспристрастности в отправлении правосудия, отсутствия политической направленности в решении суда. Возникает вопрос как в таком случае квалифицировать преступление. Так, в г. Москве было совершено покушение (23.04.2012 г.) на федерального судью Таганского районного суда Елену Иванову, Андрей Бородин размахивая топором перед судьей требовал освободить участниц политически известной панк-группы «Pussy Riot», оказавшихся на скамье подсудимых после организованного «панк-молебна» антиправительственного содержания в Храме Христа Спасителя носившего яркий политический характер. Задержанный уверен в том, что власть в России, и судебную в том числе, «захватили захватчики». 29 декабря 2012 г. Мосгорсуд признал А. Бородина совершившем преступление в состоянии невменяемости, он освобожден от уголовной ответственности и направлен на принудительное лечение [8; 9].

Небезынтересно мнение В.В. Полухина, полагающего, что отправление правосудия – это соблюдение по охране общественного порядка (документ опубликован не был).

правопорядка, тем самым обеспечение общественного порядка. Из этого ученый делает вывод о том, что судебные исполнители, прокурор, следователь, судья, лицо производящие дознание и т. д. выполняют функции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, следовательно, они также могут быть отнесены к потерпевшим в соответствии со ст. 317 УК РФ. В обоснование своего вывода автор приводит следующий пример «лицо, производящее дознание, совершает положенные ему по закону действия с целью раскрытия преступления, то он выполняет, таким образом, функции по сохранению нарушенного в результате преступного деяния статус-кво, т. е. делает все необходимое для обеспечения и сохранения общественного порядка и общественной безопасности. Квалифицированное проведение дознавательных действий, в результате которых виновный предстанет перед судом, а не виновный получит необходимую сатисфакцию, означает ни что иное, как обеспечение общественного порядка. Его обеспечение выражается именно в том, что порок наказывается, а добродетель торжествует...» [10, с. 56–57].

Другой пример пересечение круга потерпевших и направлений их деятельности, так же поднимающего вопрос соотношения смежных составов преступлений. Неустановленные лица (27.08.2013 г.) произвели множественные выстрелы из огнестрельного оружия в автомобиль под управлением Руслана Котиева, в котором следовал Секретарь Совета безопасности Республики Ингушетия Ахмед Котиев, в результате потерпевшие скончались.

Уголовное дело, возбужденно по признакам преступлений, предусмотренных ст. ст. 277, 317, ч.2 222 УК РФ. Основной версией совершения преступления является профессиональная деятельность Ахмета Котиева в должности Секретаря Совета безопасности Республики Ингушетия, в том числе направленная на адаптацию к мирной жизни сдавших боевиков [9]. Совет Безопасности Республики Ингушетия был создан в целях реализации полномочий Президента Республики Ингушетия по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина, законности, правопорядка и обеспечения проведения единой государственной политики в области экономической и общественной безопасности в Республике Ингушетия¹. Таким образом, с одной стороны? Ахмет Котиев являлся государственным деятелем субъекта РФ, поскольку занимал государственную должность субъекта РФ, был наделен властными полномочиями в соответствии с законодательством РФ и проводил в жизнь политику государства, субъекта РФ. С другой – Секретарь Совета безопасности Республики Ингушетия, Ахмет Котиев, имевший звание полковника полиции, нес ответственность за обеспечение деятельности и исполнение решений Совета Безопасности, а одной из целей Совета Безопасности является реализация задач в области обеспечения общественной безопасности и разработки мер по

¹ В соответствии с Указом Президента Республики Ингушетия от 24.03.2009 г. № 64 «Вопросы Совета Безопасности Республики Ингушетия» (вместе с «Положением о Совете Безопасности Республики Ингушетия», «Положением об Аппарате Совета Безопасности Республики Ингушетия») с изменениями и дополнениями от 25.05.2009 г. и 31.10.2013 г.

укреплению правопорядка и противодействию преступности в стране, а в соответствии с уже упомянутой ст. 7 ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» к правоохранительной службе относятся также службы и учреждения, осуществляющие функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядку, по борьбе с преступностью.

Обязательным признаком субъективной стороны «посягательств» являются цель и мотив, формулировка мотива едина в обозначенных составах, цели ст. 295 и 317 воспрепятствование законной деятельности, ст. 277 прекращение законной деятельности. По моему мнению необходимо ввести единую целевую формулировку в обозначенных составах, а именно заменить формулировку «в целях воспрепятствования законной деятельности» на «в целях прекращения законной деятельности», поскольку, во-первых, это обеспечит единообразие в толковании и применении, во-вторых, идеальным результатом посягательства для субъекта преступления, указанных составов, является убийство объекта преступления, т. е. умышленное причинение смерти, формулировка «в целях прекращения» однозначно отражает образ идеального результата преступления, сформированного в психике преступника, в отличие от понятия «воспрепятствовать», поскольку обозначенные преступные деяния совершаются только с прямым умыслом. Небезынтересным является мнение И.Г. Неделина, который полагает более уместным использовать термин «прекращение» ст. 277, 295, 317 УК РФ, «воспрепятствование» же, на его взгляд, более уместно использовать в

составах, посягающих на здоровье и телесную неприкосновенность. Однако впоследствии автор предлагает отказаться от данных формулировок, заменив понятием «в связи» [4, с. 21; 5, с. 98-99, 104].

В составах посягательств предусмотренных ст. ст. 296, 317 УК РФ, в отличие от ст. 277, наряду с основными потерпевшими подпадают под данную категорию и их близкие. Полагаем необходимым и справедливым включить в круг потерпевших ст. 277 УК РФ близких лиц государственного или общественного деятеля, поскольку данная категория потерпевших является также наиболее уязвимой и может быть использована преступниками как рычаг давления на государственных и общественных деятелей, учет данной категории потерпевших позволит в полной мере отразить весь спектр охраняемых законом лиц, а также логично согласуется со смежными составами преступлений.

Составы посягательств, предусмотренные ст. ст. 277, 296, 317 УК РФ, являются двубъектными, основным непосредственным объектом законодатель обозначил общественные отношения, обеспечивающие охрану правосудия в ст. 295, в ст. 317 общественные отношения, обеспечивающие охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, в ст. 277 общественные отношения, обеспечивающие охрану политической системы государства, дополнительным объектом в каждом из составов является жизнь лица. С данной постановкой трудно согласиться, поскольку первостепенной задачей законодательства РФ является охрана прав и свобод человека и гражданина, это напрямую

касается и уголовного законодательства, в том числе и структуры Особенной части Уголовного кодекса РФ, в отличие от уже вышеупомянутого советского законодательства, где «во главе угла» стояли преступления против безопасности государства, личность же отдельного человека жертвовалась во имя идеала и интересов государственной машины.

В основе сегодняшнего уголовного законодательства лежит принцип смены приоритетов уголовной охраны с комбинации «государство – право – личность» на «личность – право – государство». Так, в главе второй ст. 2 Конституции РФ провозглашает, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Ст. 64 устанавливает содержание правовых норм второй главы основами правового статуса личности, которые закрепляют фундаментальные принципы взаимоотношений личности и государства, выражают степень развития демократических ценностей. Согласно ч. 2 ст. 1 Уголовного Кодекса РФ, он основывается на Конституции РФ, поскольку Конституция РФ является Основным законом на территории РФ, имеет высшую юридическую силу и прямое действие, поэтому содержание уголовных норм должно полностью соответствовать ее положениям. Так, ст. 2 содержит задачи, иерархично выстроенные по значимости, первостепенной задачей УК РФ обозначена охрана прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, приоритетной задачей законодательства является охрана и защита жизни, здоровья человека, его прав,

свобод и законных интересов, вследствие чего Особенная часть Уголовного кодекса открывается VII Разделом «Преступления против личности» Главой 16 «Преступления против жизни и здоровья». Прошло не мало времени, прежде чем в современной России был достигнут более или менее разумный баланс между правами человека и интересами государства. Однако и на сегодняшний день еще остались острые явления прошлых лет.

Позволим себе согласиться с мнением Т.Н. Нуркаевой, которая отмечает то, что выделение в двуобъектных составах преступлений, предусмотренных ст. 277, 295 и 317 УК РФ в качестве основного объекта основы конституционного строя и безопасности государства, интересы правосудия, порядок управления, а дополнительного право на жизнь, и нахождение их в соответствии с основным объектом посягательства в главе X Особенной части, является отголосками прежнего подхода к оценке системы ценностей, охраняемых уголовным законом, так как интересы органов власти и управления (исключение – безопасность государства в целом) не могут быть по своей значимости выше жизни лица, принадлежащего по роду своей деятельности к той или иной системе органов власти и управления. Жизнь данного лица необходимо рассматривать в качестве основного объекта, что и должно определять место этой нормы в системе Особенной части УК [6, с. 148–151].

Действительно, при установлении принципа первостепенной защиты человеческой жизни, жизнь человека не логично и противоречиво выносить в качестве дополнительного объекта,

поскольку усиление ответственности в данном случае, на наш взгляд, происходит вследствие одновременного воздействия на два объекта, однако основным должна выступать жизнь лица, все остальное – дополнительным.

Интересно мнение Л.В. Лобановой, которая подвергает сомнению правильность выбора законодателем места расположения ст. ст. 277, 295, 317, по ее мнению логичнее было бы их помещение в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья. Жизнь судьи и других лиц...», – пишет Любовь Валентиновна, – должна защищаться особым образом не только потому, что она является непосредственным условием осуществления определенного рода деятельности, но и потому, что итог последней способен вызвать недовольство отдельных людей, чьи интересы противоречат интересам правосудия» [3, с. 50]. Подобный подход представляется верным автору и в соответствии с ценностной иерархией объектов уголовно-правовой охраны. В качестве одного из примеров Лобанова и Нуркаева приводят Уголовный кодекс Франции, где при наличии главы «О посягательствах на деятельность суда» норма, предусматривающая санкцию за умышленное убийство магистрата, судьи, адвоката какого-либо должностного лица системы правосудия и подобных им лиц, помещена законодателем в первую главу «О посягательствах на жизнь человека» [3, с. 50-52; 6, с. 150–151].

По образному выражению Е.В. Благова «если вспомнить отраженную в ч. 2 ст. 2 УК РФ триаду ценностей, охраняемых уголовным законом, – человек, общество, государство <...> От

чего нужно защищать государство? От посягательств на его интересы. Стало быть, интересы государства вот столбовая дорога уголовно-правовой охраны государства. Все остальное в разделе X УК РФ – либо частности, либо издержки нарушений правил законодательной техники..» [1, с. 4]. Таким образом, на основании всего вышеизложенного, целесообразно создать единую норму, которая устранит указанные противоречия, логично и в максимальном объеме отразит принципы и основы уголовного законодательства. Сведение всего вышеизложенного позволяет предложить объединить статьи 277, 295 и 317 воедино, изъять их из Раздела X «Преступления против государственной власти» и поместить в Раздел VII «Преступления против личности» сразу за ст. 105.

Что касается принципа равенства перед законом, то он не в коей мере не умаляется, поскольку в данном случае значение для квалификации будет иметь наличие дополнительного объекта, т. е. санкция ужесточается при отягчающих (квалифицирующих) обстоятельствах. Основным непосредственным объектом будет являться жизнь человека, дополнительным – общественные отношения, обеспечивающие охрану: политической системы государства, его конституционных институтов, правосудия, общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность. Формулировку ст. 295 и 317 «в целях воспрепятствования законной деятельности» заменить на «в целях прекращения законной деятельности», ответственность за посягательства предлагаем снизить 16 лет до 14 лет,

что будет закономерным в связи с объединением указанных составов преступлений и помещением в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» и позволит избежать дисбаланса и непоследовательности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Благов Е.В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности государства: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 200 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. И.А. Клепицкого, 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2012. – 608 с.
3. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дис.... доктора юрид. наук. – Казань, 2000. – 305 с.
4. Неделин Р.Г. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 27 с.
5. Неделин Р.Г. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 194 с.
6. Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики): дис... доктора юрид. наук. – Казань, 2006. – 396 с.
7. Напавшего с топором на судью в Москве отправили в психбольницу // Российская газета. – 2013. – 25 февр.
8. В суд с топором // Российская газета. – 2012. – 23 апр.
9. Установлены лица, причастные к посягательству на жизнь Секретаря Совета безопасности Республики Ингушетия Ахмета Котиева и сотрудника полиции Руслана Котиева [Электронный ресурс] / Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации [сайт]. – URL: <http://www.sledcom.ru/actual/351973/> (дата обращения: 18.05.2014 г.)
10. Полухин В.В. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 146 с.
11. Российское уголовное право (Особенная часть): в 2 т. Т. 2 / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2008. – 664 с.

УДК 004.773.3

Шевчук М.С.*Российская правовая академия**Министерства юстиции Российской Федерации (г. Москва)*

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА КАК СПОСОБ ЭЛЕКТРОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Аннотация. Автором рассмотрен вопрос использования электронной почты как способа взаимодействия участников гражданского оборота. Сформулированы условия обеспечения достоверности пересылаемых электронных сообщений, к которым относятся возможности индивидуализации исполнителя, установления наличия либо отсутствия полномочий отправителя и получателя по принятию решений, составляющих предмет электронной переписки, а также возможность установления неизменности содержания электронного сообщения.

Ключевые слова: электронная почта, достоверность электронного сообщения, идентификация отправителя (получателя), аутентификация электронного сообщения.

Shevchuk M.S.*The Russian Law Academy of the Ministry
of Justice of the Russian Federation*

ELECTRONIC MAIL AS A MEANS OF ELECTRONIC INTERACTION OF THE PARTICIPANTS IN CIVIL LAW RELATIONS

Abstract. The author considers the problem of using e-mail as a means of electronic interaction of participants in civil law relations. The conditions are determined to ensure the reliability of transmitted electronic messages, which includes identification of the performer, examination of the sender's or receiver's decision-making authority, detection of the authenticity of electronic message content.

Key words: electronic mail, reliability of electronic message, sender's (receiver's) identification, authenticity of electronic message.

Электронная почта является одним из самых распространенных способов электронного взаимодействия участников гражданского оборота, как в России, так и за ее пределами. В докладе «Десять основных вопросов, побуждающих сегодня развиваться управление документами», сделанном в Нью-Йоркском отделении ассоциации ARMA International, Дэвид Сте-

© Шевчук М.С., 2014.

фенс (David O. Stephens) отмечал, что «в настоящее время электронная почта является доминирующей формой делового общения: более 60 процентов электронных деловых документов передаются в виде присоединенных файлов в сообщениях электронной почты» [2]. Под электронной почтой обычно понимается информационная технология и предоставляемые ею услуги по отправлению и получению электрон-

ных сообщений через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. На законодательном уровне в Российской Федерации данное понятие не регламентировано.

За последние годы в России произошли довольно существенные изменения в расширении сферы использования инструментов электронного взаимодействия и в гражданском обороте, и в сфере оказания государственных услуг населению. Приняты и вступили в действие такие законодательные акты, как Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Между тем каких-либо правовых гарантий использования в гражданском обороте такого универсального инструмента делового общения, как электронная почта, а также единых требований к обеспечению доказательственного значения электронной переписки пока не установлено ни на законодательном, ни на нормативном уровне.

Нормы об электронном взаимодействии участников гражданского оборота посредством электронной почты содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть первая, от 30.11.1994 № 51-ФЗ, далее – ГК РФ) и касаются условий соблюдения письменной формы сделки. Пунктом 2 статьи 434 ГК РФ законодатель вводит правовую норму, позволяющую

использование электронной почты в гражданском обороте. Исходя из анализа пункта указанной статьи, можно выделить три условия, которым должен соответствовать договор, заключенный способом электронной переписки: во-первых, соблюдение письменной формы; во-вторых, создание электронного документа; в-третьих, идентификация участников электронной переписки.

Договор и иные документы, полученные в электронном виде, могут быть использованы в качестве письменного доказательства. Таким образом, другим основным кодифицированным законодательным актом, регламентирующим использование участниками гражданского оборота электронной почты в контексте процессуально права, является Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ, далее – АПК РФ). Исходя из смысла частей 1 и 3 статьи 75 АПК РФ следует, что критерием допустимости электронного сообщения и переданного с его помощью текстового документа как доказательства является наличие у суда возможности проверить достоверность происхождения этого документа. Следовательно, при использовании электронной почты как способа электронного взаимодействия в гражданском обороте, а впоследствии, при возникновении судебных споров, в целях обеспечения доказательственной силы электронной переписки, важное значение приобретает вопрос обеспечения достоверности электронного сообщения. Достоверность электронного сообщения, пересылаемого участниками гражданского оборота с использованием электронной почты, может быть обе-

спечена при условии установления следующих его характеристик:

– возможности индивидуализации с точки зрения исполнителя;

– возможности установления наличия полномочий у лица, ведущего электронную переписку, на совершение действий, составляющих ее предмет;

– возможности установления целостности и неизменности содержания электронного сообщения от искажения, фальсификации, переадресации, несанкционированного уничтожения.

Рассмотрим более подробно условия соблюдения достоверности электронного сообщения с учетом его оценки как доказательства с позиции арбитражной судебной практики. Что касается индивидуализации электронного сообщения с точки зрения исполнителя, то, прежде всего, стоит упомянуть о возможности идентификации отправителя и получателя посредством установления принадлежности электронного почтового ящика конкретному лицу (отправителю, получателю). Адрес электронной почты представлен в виде общеизвестного алгоритма букв и знаков, а именно: name@rochta.ru, в котором name – это имя почтового ящика, выбранного на усмотрение пользователя; rochta.ru – домен, где расположен почтовый ящик; @ – знак, разделяющий левую и правую части адреса и идентифицирующий адрес как электронный почтовый ящик из всех остальных интернет адресов.

Вопросы идентификации отправителя или получателя электронного сообщения по адресу электронной почты являются сложными, если рассматривать их с точки зрения процедуры доказывания. Анализ судебной практики по вопросу доказывания инди-

видуализации исполнителя по адресу электронного почтового ящика позволяет сделать вывод о том, что при установлении данных обстоятельств, суды руководствуются сведениями об адресе электронной почты, указанными в реквизитах юридического лица, размещенных на официальных Интернет-сайтах, а также содержащимися в тексте договоров в разделе «Адреса и банковские реквизиты сторон», официальных документах (счетах на оплату, исходящих письмах и др.), выполненных на бланке организации-отправителя (получателя)¹. Таким образом, используя электронную почту в качестве способа электронного взаимодействия, участнику гражданского оборота следует обращать внимание на сведения адреса электронной почты лица, ведущего с ним переписку, и проверять их на соответствие с данными потенциального контрагента.

Несмотря на проблему установления принадлежности электронного почтового ящика конкретному лицу в гражданском обороте, законодатель в сфере публичных отношений избрал тенденцию к расширению сферы использования электронных адресов юридическими и физическими лица-

¹ См., например: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.07.2013 г. по делу № А72-9996/2012; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2013 г. по делу № А25-906/2012; Постановление ФАС Центрального округа от 05.05.2011 г. по делу № А68-4041/10; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 22.07.2013 г. по делу № А31-7699/2012; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2013 г. № 09АП-16042/2013 дело № А40-53725/12; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22.08.2013 г. по делу № А45-5081/2013.

ми и обеспечения идентификации их в качестве пользователей. Так, авторы законопроекта Федерального закона «О государственной системе электронного обмена корреспонденцией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ предложили схему, по которой каждый гражданин России получит личный государственный адрес электронной почты для использования при взаимодействии с государственными структурами. Индивидуализация электронного сообщения, исходящего от физического лица, станет возможной по адресу электронной почты, имеющим вид «индивидуальный номер налогоплательщика@почта.ru». На сегодняшний день так складывается ситуация, что развитие законодательства об использовании электронной почты, в том числе идентификации пользователей, происходит преимущественно в сфере публичных отношений. Однако опыт и практика использования указанных законодательных инициатив в данной сфере позволяют предположить о влиянии правотворческих процессов и на область гражданских правоотношений.

При использовании электронной почты как способа электронного взаимодействия участнику гражданского оборота следует обратить внимание на проверку обстоятельств наличия полномочий у лица, ведущего электронную переписку, на совершение действий, составляющих ее предмет, а также наличия у данного лица волеизъявления на вступление в электрон-

ную переписку. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что лицо, ведущее переписку по электронной почте от имени или в интересах другого лица, должно быть на это уполномочено. При этом вопрос наличия полномочий у участника гражданского оборота, вступившего в электронную переписку, решается судами с позиции традиционных норм гражданского законодательства о полномочиях, оформленных посредством доверенности, и полномочиях, которые могут являться из обстановки².

Проблема установления волеизъявления стороны электронной переписки на отправку электронного сообщения также является важной при проверке достоверности электронного сообщения, пересылаемого с электронной почты. Так, разработчики проекта Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия заказу, производству и распространению несанкционированных электронных сообщений (спама)» предлагают ввести в текст Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» положения, закрепляющие требования к содержанию электронных сообщений³. Согласно тексту законопроекта

² См., например: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2014 г. № 15АП-20675/2013 по делу № А53-17979/2013; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.10.2013 г. № 17АП-11066/2013-ГК по делу № А60-6487/2013.

³ Законопроект подготовлен подкомитетом по технологическому развитию Комитета Государственной Думы ФС РФ по информационной политике, информационным технологиям и комиссией по информационной безопасности

¹ Инициатор законопроекта МГКА «Бюро адвокатов «Де-юре» создал для его обсуждения в 2014 г. специальный сайт по электронному адресу <http://gseok.ru>.

(статья 10.1) электронное сообщение может быть направлено получателю в случае, если он согласился его принять. Под согласием в редакции законопроекта понимается «явно выраженное волеизъявление на получение сообщения, сделанное по собственной инициативе либо в ответ на запрос со стороны отправителя; волеизъявление со стороны получателя, выраженное явными действиями; публикация электронного адреса не является выражением согласия, если на это прямо не указано в публикации или это явно не вытекает из целей публикации».

Участник гражданского оборота, вступая в электронную переписку, должен понимать риски возможного искажения с помощью современных технических средств содержания электронного сообщения, то есть приобретения им характера недостоверности, поэтому большое внимание необходимо уделить защите аутентичности пересылаемых в электронном виде данных. Как правильно отмечал А.В. Мандрюков, «электронное сообщение весьма уязвимо на предмет фальсификации, ибо облечено в невещественную форму. Соответственно, установить факт его фальсификации (осуществляемой посредством программно-технических средств), не имея специальных познаний и технических средств, сложно, поскольку электронное сообщение представляется в суд, как правило, в виде распечатки страниц в Интернете (при этом сама распечатка может не фальсифицироваться, тогда как непосредственно электронное сообщение,

и киберпреступности Российской Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК) и размещен на сайте Ассоциации в 2011 г. (<http://www.raec.ru/times/detail/453>).

содержащееся в Интернете, модифицировано)» [1].

В процессуальном аспекте вопрос аутентификации электронного сообщения как доказательства может быть установлен путем проверки его в силу подачи стороной спора заявления о фальсификации в порядке ст. 161 АПК РФ. В случае, если сторона спора – участник гражданского оборота воспользовался предоставленным ему процессуальным законодательством правом на заявление ходатайства о фальсификации, суд по результатам рассмотрения указанного заявления имеет право назначить судебную экспертизу. Следовательно, достоверность электронных сообщений устанавливается с помощью компьютерно-технической экспертизы¹. Предметом экспертного исследования становится ряд вопросов: кто являлся получателем сообщения? Имел ли место факт вмешательства содержание электронного письма? Ответы на эти вопросы позволяют определить подлинность пересылаемой информации. Наряду с таким эффективным средством доказывания как экспертиза, участник гражданского оборота, вступивший в спор по поводу отношений, сложившихся в результате электронной переписки, может защитить свои права и законные интересы путем обращения к нотариусу за фиксацией содержимого своего электронного почтового ящика².

¹ См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2013 г. № 09АП-4041/2013-ГК по делу № А40-125636/12-145-523; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2013 г. по делу № А11-9306/2012.

² См., например: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 01.11.2012 г. № 06АП-4751/2012 по делу № А04-1591/2012.

С учетом изложенного становится очевидным, что на современном этапе развития государства и общества, формировании хозяйственных связей между участниками гражданского оборота большое значение имеют инструменты электронного взаимодействия, среди которых важное значение приобрела электронная почта. Такой способ электронного взаимодействия очень распространен, однако, с точки зрения юридической значимости пересылаемых с ее помощью документов, является небезопасным. Анализ судебной практики наглядно демонстрирует, что участник гражданского оборота, вступивший в электронную переписку и представляющий ее в суде в качестве доказательства возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений, является процессуально уязвимой стороной. Между тем данное обстоятельство не должно

снижать или исключать использование электронной почты в гражданских правоотношениях. Участники гражданского оборота должны оценивать предпринимательские риски электронной переписки и обеспечить возможность установления достоверности пересылаемых данных.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мандрюков А.В. E-mail – в арбитраж // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. – 2012. – № 12. – С. 78–93.
2. Храпцовская Н. Проблемы управления электронной почтой в деловой деятельности организации [Электронный ресурс] / Ecm-Journal.ru: важное об электронном документообороте и управлении взаимодействием [сайт]. – URL: <http://ecm-journal.ru/docs/Problemy-upravlenija-ehlektronnoj-pochtoj-v-delovoj-dejatelnosti-organizacii.aspx> (дата обращения: 07.05.2014 г.).

УДК 343.98

Шишова Н.Е.*Московский государственный университет
приборостроения и информатики***К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ
О ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ С ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ**

Аннотация. На государственном уровне защита прав несовершеннолетних детей осуществляется в многообразных формах, посредством различных механизмов, органов и организаций. Однако, нарушения прав ребенка стали особенно распространенными за последние несколько лет, среди прочих отдельного внимания заслуживают преступления связанные с жестоким обращением с детьми. Следует отметить, что при расследовании таких преступлений определенную сложность представляет установление криминалистически значимой информации. В статье рассматриваются содержание криминалистически значимой информации о жестоком обращении с детьми в семье.

Ключевые слова: криминалистика, уголовная ответственность, правонарушение, несовершеннолетние.

N. Shishova*Moscow State University of Instrument Engineering and Computer Science***TOWARDS THE ISSUE OF FORENSICALLY SIGNIFICANT
INFORMATION OF CHILD ABUSE IN A FAMILY**

Abstract. At the state level the protection of minors' rights is implemented in multiple forms, through various mechanisms, bodies and organizations. However, the violations of child's rights have become especially popular in the last few years. Among them of special attention are the crimes related to the abuse of children. It should be noted that at the investigation of such crimes the detection of forensically significant information presents certain complexity. This article discusses the content of forensically significant information on ill-treatment of children in the family.
Key words: forensic science, criminal penalty, offence, minors.

Уголовная ответственность за жестокое обращение с детьми установлена Уголовным кодексом Российской Федерации в статье 156 «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». ¹ Жестокое обращение с детьми в семье представляет собой любое насилие (физическое, психическое, сексуальное, экономическое) в отношении несовершеннолет-

него которое совершают родители, в том числе приемные, а также опекуны, попечители, лица их заменяющие в семье. Вместе с тем жестокое обращение с детьми в семье является способом совершения преступления, который связан с элементами механизма преступления и обуславливает преступную деятельность субъекта.

Эффективность расследования любого преступления в целом и престу-

© Шишова Н.Е., 2014.

пления, связанного с жестким обращением с детьми в семье, в частности, зависит от наличия криминалистически значимой информации, которой располагает дознаватель, следователь в ходе производства предварительного расследования. Более того, на успешность расследования преступления влияет степень обеспечения уголовно-процессуальной деятельности соответствующей накопленной и систематизированной криминалистически значимой информацией о преступлениях, совершенных в прошлом, причастных к ним лицах, средствах и способах их совершения, различных следах преступлений и объектах, связанных с событием преступления, а также умение дознавателя, следователя использовать подобную информацию в своей деятельности, для выявления, розыска и отождествления интересующих их явлений и объектов. Именно от ее объема и характера такой информации в значительной степени зависит эффективность раскрытия и расследования преступлений.

В настоящее время в криминалистической литературе широко используются термины «доказательная», «ориентировочная», «процессуальная», «криминалистическая», «следственная», «экспертная», «оперативно-розыскная» информация. Кроме того, достаточно часто употребляется такой термин как «криминалистически значимая информация», причем данная информация рассматривается любой природы. Представляется, что употребление данных терминов при рассмотрении вопросов, касающихся расследования преступлений, не всегда является корректным. В связи с этим, считаем необходимым остановиться

на содержании определения криминалистически значимой информации.

В свое время Р.С. Белкин криминалистически значимую информацию определял как «сведения, данные, имеющие отношения к раскрытию и расследованию преступления, то есть информацию, содержащуюся в доказательствах, и ориентирующую – полученную из непроцессуальных источников и не имеющую доказательственного значения» [1, с. 83].

Г.А. Погасян, исходя из данного определения, делает вывод, что доказательственную и ориентирующую информацию обозначают термином «криминалистически значимая информация». По мнению указанного автора, для получения такой информации, следователь исследует произошедшие события (процессы, факты). При расследовании преступлений часто применяются опосредствованные формы изучения материальной обстановки совершенного преступления и установления обстоятельств по уголовному делу. Одной из таких форм является использование специальных знаний, потребность в которых обусловлена, в частности, установлением тяжести причиненного вреда здоровью, причин смерти и др. [3, с. 105].

Ряд работ, посвященных теории криминалистической информации, было опубликовано Р.А. Усмановым, в которых автор рассматривал криминалистически значимую информацию. Так, в частности в одной из своих работ автор пишет, что данный термин представляется довольно размытым, неопределенным и потому отождествляется с уголовно-релевантной информацией (в составе которой можно выделить оперативно-розыскную и

другие разновидности информации). В качестве своих аргументов Р.А. Усманов приводит определение Н.В. Кручининой [2, с. 30], на основании которого делает вывод, что любая криминалистически значимая информация используется в связи с расследуемым преступлением, то есть является уголовно-релевантной информацией. В тоже время им отмечается, что любая уголовно-релевантная информация имеет криминалистическую значимость для расследования.

Далее автор обосновывает, что более точным является термин «криминалистическая информация». Его основная мысль автора заключается в том, что употребление термина «криминалистическая информация» подтверждает, что речь идет не обо всей информации, которая может использоваться (а может и не использоваться) в процессе расследования преступлений, а только об информации, находящейся в причинно-следственной связи с событием преступления [5].

В таком случае, по нашему мнению, можно говорить, например, о доказательственной информации. В тоже время следует заметить, что содержания понятий «криминалистическая информация» и «криминалистически значимая информация» кардинально автор не отличает. Как представляется, с точки зрения предмета криминалистики информация выступает содержанием результата процесса отражения, при котором один объект (отражаемый), взаимодействуя с другим объектом или субъектом (отражающим), вызывает изменения в его состоянии и тем самым передает ему часть сведений о собственном содержании. В связи с этим, по сути, спор

Р.А. Усманова и Н.В. Кручининой является лишь терминологическим.

Н.Д. Слюсарева в своей диссертации ставит знак равенства между уголовно-релевантной и доказательственной информацией. При этом она пишет, что уголовно-релевантной может быть и иная информация, но при условии, что она является полезной для решения правовых, организационно-тактических и управленческих задач. В своих рассуждениях Н.Д. Слюсарева достаточно часто противоречит своим же высказываниям. В частности, автор приходит к выводу, что уголовно-релевантная информация может иметь доказательственное значение, так и не иметь такового. Далее автор делает собственный вывод, что уголовно-релевантная информация может быть определена как сведения, имеющие значение для успешного выявления и раскрытия преступления, решения иных задач в уголовном судопроизводстве [4, с. 43]. По своей сути копирует определение, данное Р.С. Белкиным.

Как представляется, для определения понятия криминалистически значимой информации следует исходить из того, что термин «информация» обозначает сведение, разъяснение. В связи с этим, можно сделать вывод, что криминалистически значимая информация будет представлять фактические сведения, которые непосредственно относятся к событию преступления, обстоятельствам его совершения, а также иные сведения, используемые в процессе расследования преступления. При этом функции криминалистически значимой информации, будут состоять: в криминалистическом обеспечении принятия процессуальных решений при провер-

ке заявлений и сообщений о преступлении; в восстановлении механизма преступления в целях квалификации деяния; в создании условий для организации процесса расследования преступления.

В силу вышеизложенного, содержание криминалистически значимой информацией о преступлениях, связанных с жестоким обращением с детьми в семье составят сведения: об обстановке совершения преступления (условия проживания несовершеннолетнего в семье, отношении с родителями или лицами их заменяющими и др.); личности родителей или лиц, их заменяющих (данные о возрасте, наличии судимости, трудоустроенность, злоупотребление спиртными напитками и др.); о способе совершения преступления, связанного с жестоким обращением с детьми в семье и механизме слеодообразования (телесные повреждения, психическое расстройство и т. д.); о сущности жестокого обращения с детьми в семье (виды примененного насилия). Вместе с тем, жестокое обращение с детьми в семье как объект криминалистически значимой информации представляет собой комплекс

взаимосвязанных поведенческих актов по отношению к несовершеннолетнему, содержащий качественную характеристику преступной деятельности субъекта и оказывающий влияние на формирование материальных и идеальных следов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / 2-е изд., доп. – М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
2. Кручинина Н.В. Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном процессе. – М.: Вердикт, 2003. – 127 с.
3. Погосян Г.А. Проблемы получения и использования криминалистически значимой информации в качестве доказательств на предварительном следствии (непроцессуальные и криминалистические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. – 259 с.
4. Слюсарева Н.Д. Криминалистическое обеспечение расследование преступлений против семьи: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 198 с.
5. Усманов Р.А. Об основных положениях криминалистической теории информации // Вестник криминалистики. – 2008. – Вып. 1 (25). – С. 52-55.

НАШИ АВТОРЫ

Бондарь Денис Владимирович – аспирант кафедры гражданского права и гражданского процесса Московского Института Предпринимательства и Права; e-mail: den.bondar.2014@mail.ru

Борисова Лилия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского государственного областного университета; e-mail: Lilya-borisova@yandex.ru

Васильева Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета; e-mail: vasilieva_on@mail.ru

Гапеенок Дарья Евгеньевна – старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного областного университета; e-mail: de.gapeenok@mgou.ru

Козловская Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного областного университета, член-корреспондент Академии Наук Испании; e-mail: vkozlovskaia@yandex.ru

Милованова Марина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии; e-mail: Milovanova_on@mail.ru

Никulin Виктор Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Тамбовского государственного технического университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ; e-mail: viktor.nikulin@mail.ru

Ницевич Юлия Владиславовна – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Российского государственного торгово-экономического университета; e-mail: aspirantura120002@rambler.ru

Новицкий Сергей Сергеевич – кандидат юридических наук, старший инспектор по особым поручениям отдела организации режима управления организации деятельности тюрем и следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний; e-mail: sergiofs@mail.ru

Панина Светлана Анатольевна – старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного университета приборостроения и информатики; e-mail: PaninaS75@mail.ru

Семенов Артем Владимирович – соискатель научно-исследовательского центра № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России; e-mail: semenovartemvladimirovich@yandex.ru

Семыкин Вячеслав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Московского государственного областного университета; e-mail: vsemykinv@yandex.ru

Семьянов Евгений Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета; e-mail: evsemyanov@gmail.com

Сеничева Полина Владимировна – аспирант кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Московского государственного университета приборостроения и информатики; e-mail: polina_2007_88@mail.ru

Третьяков Константин Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета; e-mail: Ak-195@yandex.ru

Хантуев Али Абакарович – кандидат юридических наук, доцент Московского государственного областного университета кафедра предпринимательского права; e-mail: ali05han@mail.ru

Шаровалов Николай Иванович – Зав. кафедрой конституционного и международного права Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; e-mail: sharovalov_n@list.ru

Шевчук Мария Сергеевна – аспирант кафедры Российской правовой академии министерства юстиции Российской Федерации»; e-mail: Shevchuk_MS@powereng.ru

Шিশова Наталья Евгеньевна – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГУПИ; e-mail: natalia.shishova@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

2014. № 2

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Н.М. Якушкина
литературный редактор О.О. Волобуев
переводчик Е.А. Кытманова
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 280 экз. Уч.-изд. л. 7, усл. п.л. 6,75.
Подписано в печать 16.06.2014. Заказ № 62.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а